Джон Р. Серл

Конструирование социальной реальности

Оглавление

Searle, J. (1995). The Construction of Social Reality. New York, Free Press.
О Джоне Р. Серле –
http://www.philosophy.ohio-state.edu/searle.html
О книге "Конструирование социальной реальности" –
http://www.amazon.com/exec/obidos/change-style/ASIN/0029280451/002-8519181-4229456

Введение.

Как мы знаем, наиболее фундаментальные особенности мира описаны физикой, химией и другими естественными науками. Но существование явлений, которые нельзя описать с помощью физики или химии, вызывает замешательство. Как, например, сознание или осмысленная речь может вытекать из физического мира? Самые интересные философские проблемы касаются того, как различные части мира соотносятся с друг другом – как они складываются вместе? - и многие мои философские работы пытаются ответить на эти вопросы. Теория речевых действий - частично попытка ответить на этот вопрос, как от физических звуков мы переходим к значимым речевым действиям устной и письменной речи? Теория разума, которую я попытался разработать - в значительной степени попытка ответить на вопрос, как умственная реальность, мир сознания, намерений и других умственных явлений, вписывается в мир, состоящий полностью из физических

частиц и силовых полей? Эта книга ведет наше исследование к социальной реальности: как может объективный мир денег, собственности, брака, правительств, выборов, футбольных игр, вечеринок и судов существовать в мире, который состоит полностью из физических частиц и силовых полей, и, в котором некоторые из этих частиц организованы в системы, являющиеся сознательными биологическими животными, такими как Мы?

Насколько я могу судить, вопросы, на которые я пытаюсь ответить в этой книге, не получили удовлетворительного ответа в социальных науках. Мы многим обязаны философам-социологам девятнадцатого и начала двадцатого века, особенно Веберу, Зиммелю и Дюркгейму, но когда я внимательно познакомился с их работами, мне показалось, что они не искали ответов на те вопросы, которые волновали меня, потому что они не имели необходимых инструментальных средств. То есть они не создали адекватной теории речевых действий, индивидуальных и коллективных намерений, поведения, регулируемого правилами и т.д. Эта книга - попытка ответить на ряд традиционных вопросов, используя ресурсы, которые я и другие получили, работая над другими связанными с этими вопросами.

Слово относительно организации книги. Основной аргумент рассматривается в первой половине, главы 1-5. В этих главах я пытаюсь разработать общую теорию онтологии социальных фактов и социальных институтов. Основной вопрос - как мы создаем объективную социальную реальность? В Главе 6 я пытаюсь объяснить конструктивные правила человеческих институтов, имея озадачивающий факт, что агенты этих правил обычно не осознают их. Чтобы сделать это, я должен объяснить мое понятие "фона" бессознательных, абстрактных способностей, которые дают нам возможность справиться с миром. В ранних вариантах книги я посвятил первую главу защите реализма, идея в виду, что имеется реальный мир, независимый от нашей мысли и речи и защите концепции соответствия истины, идеи, что наши истинные утверждения обычно становятся истиной благодаря вещам, которые существуют в реальном мире, который существует независимо от этих утверждений. Я думаю, что реализм и концепция соответствия – существенные предположения любой нормальной философии, не говоря уже о науке, и я хотел прояснить некоторые из причин, которые заставляют меня думать так. Но то, что изначально задумывалось, как довольно короткий вводный материал стало жить своей собственной жизнью, как обычно и происходит с такими глобальными философскими вопросами. Когда первая глава разрослась до трех, я решил поместить весь этот материал в конце книги, чтобы он не перевешивал мой основной аргумент. Главы 7 и 8 - обсуждения реализма, глава 9 - защита концепции соответствия истины.

1. Строительные блоки социальной реальности.

1.1. Метафизическое бремя социальной реальности.

Книга Серля "Конструирование социальной реальности" посвящается следующей проблеме: есть части реального мира, объективные факты о мире, которые являются фактами только в соответствии с человеческим соглашением. Есть вещи, которые существуют только потому что мы полагаем, что они существуют. Это такие вещи как деньги, собственность, правительства и браки. Однако, большинство таких категорий - "объективные" факты в том смысле, что они - не предмет ваших или моих предпочтений, оценок или моральных установок. Автор имеет в иду такие факты, что он гражданин Соединенных Штатов, что кусок бумаги в его

кармане - пять долларов, что у него есть собственность в Беркли и что финал первенства национальной лиги американского футбола выиграли в 1991 "New York Giants" и т. д. Эти факты отличаются от фактов другого рода, от того, что вершина Эвереста покрыта снегом и льдом и что водородные атомы имеют один электрон, которые являются фактами полностью независимыми от человека. Автор называет некоторые из фактов, зависящих от человеческого соглашения как "*институциональные факты*". В отличие от не институциональных или "*грубых*" фактов, "институциональные факты" называются так, потому что для их существования нужны человеческие институты. Чтобы этот кусок бумаги был пятью долларами, например, должен существовать человеческий институт денег. Существование грубых фактов не требует каких-либо человеческих институтов. Конечно, чтобы установить грубый факт нужен институт языка, но констатацию факта следует отличать от его установления.

Возникает вопрос, как - возможны институциональные факты? И какова структура таких фактов? Но многие ученые считают, что вся реальность - так или иначе человеческое творение, что нет никаких грубых фактов, но есть только факты, зависящие от человеческого разума. Кроме того, некоторые ученые приводят доводы против распространенной идеи о том, что в мире есть факты, которые делают наши утверждения истинными и утверждения истинны, потому что они соответствуют этим фактам. Как в связи с этим ответить на первоначальный вопрос, как возможна социально- конструируемая реальность? Почти во всех своих работах, в том числе и в данной, Серль выдвигает доводы в пользу идеи, что есть реальность, которая полностью независима от нас. Кроме того, так как метод автора состоит в том, чтобы исследовать структуру фактов, которые делают наши утверждения истинными и которым они соответствуют, когда истинны, он также защищает теорию соответствия истины.

Чтобы показать сложность проблемы, автор начинает, с рассмотрения метафизики обычных социальных отношений. Рассмотрим обычное действие. Человек входит в кафе в Париже и садится за стол. Подходит официант, посетитель произносит фрагмент предложения на французском языке. Он говорит, "*"un demi, Munich, a pression, s'il vous plait."* Официант приносит пиво и посетитель пьет его. Посетитель оставляет на столе деньги и уходит. Наивная сцена, но ее метафизическая сложность потрясает и эта сложность удивила бы Канта, если бы он когда-либо задумался об этом.

Мы не можем описать природу данной сцены на языке физики и химии. Нет никакого адекватного физического или химического описания для определения понятий "ресторан", "официант", " предложения на французском языке," "деньги" или "кресло" и "стол", даже если все рестораны, официанты, предложения на французском языке, деньги, стулья и столы - физические явления. Обратите внимание, что только что описанная сцена имеет огромную, невидимую онтологию: официант на самом деле не является владельцем пива, которое он дал посетителю, но он нанят рестораном, который владеет пивом. Ресторан устанавливает список цен на всю продукцию, и даже если посетитель никогда не видел этот список, он оплачивает по цене установленной рестораном. Владелец ресторана имеет патент Французского правительство, позволяющий ему делать это. Также, он подчиняется тысяче правил и правил, о которых посетитель ничего не знает. Если, после ресторана, некто идет на лекцию или на вечеринку, тяжесть метафизического бремени только увеличивается; и некоторые иногда удивляется, что его можно вынести.

1.2. Невидимая структура социальной реальности.

Одна из причин того, что мы можем вынести это бремя - то, что сложная структура социальной реальности, если так можно выразиться, невесома и невидима. Ребенок растет в культуре, где он или она просто впитывает социальную реальность как данную. Мы учимся воспринимать и использовать автомобили, ванны, здания, деньги, рестораны и школы не задумываясь о специфической природе их онтологии и не осознавая, что они имеют специфическую онтологию. Они кажутся нам такими же естественными как камни, вода и деревья. На самом деле, в большинстве случаев проще рассматривать объекты как только естественные явления отдельно от их функциональных ролей, чем рассматривать наше окружение в терминах социально определенных функций. То, что дети обучаются видеть перемещающиеся автомобили, доллары и полные ванны достигается только с помощью абстракции от того, что они могут видеть как массы металла, волокна целлюлозы с зелеными и серыми пятнами или покрытые эмалью железные емкости, содержащие воду.

Сложная онтология кажется простой; простая онтология сложной. Это связано с тем, что социальная действительность создана нами для наших целей и кажется легко понятной нам, как эти цели сами по себе. Автомобили для передвижения; доллары для приобретения, расхода и сбережения; ванны для купания. Но если функции нет, то нет и ответа на вопрос, для чего это, мы сталкиваемся с тяжелой интеллектуальной задачей идентификации вещи в терминах ее внутренней природы независимо от наших интересов, намерений и целей.

Невидимая структура социальной действительности также создает проблему для аналитика. Мы не можем описывать только, то что нам кажется с внутренней "феноменологической" точки зрения, потому что деньги, собственность, браки, адвокаты и ванны, видимо, не имеют сложной структуры. Они только то, чем являются или то, чем кажутся. Не можем мы описывать их и с внешней поведенческой точки зрения, потому что описание внешнего поведения людей, имеющих дело с деньгами, собственностью, и т.д., упускает лежащие в основе структуры, которые делают это поведение возможным. В свою очередь мы не можем описывать эти структуры и как ряды неосознанных вычислительных правил, как это делает современная когнитивная наука и лингвистика, потому что это непоследовательно постулировать бессознательное следование правилам, которые, в принципе, недоступны сознанию. И кроме того, вычисление – одно из тех относящихся к наблюдателю, функциональных явлений, которое требует объяснения.

Если ни внутренняя феноменологическая, ни внешняя бихевиористкая точка зрения не являются адекватными, какая позиция и методология подходит для описания структуры социальной действительности? Для начала автор предлагает использовать интенциональсткую лексику, чтобы пробовать раскрыть некоторые простые особенности социальной онтологии. Позже автор показывает, как часть, хотя и не весь интенционалисткий аппарат можно объяснять и, в конечном счете, свести к тому, что он называет "фоном" способностей, возможностей, тенденций и диспозиций.

1.3. Фундаментальная онтология.

Так как исследование носит онтологический характер, то есть касается того, как существуют социальные факты, нужно определить, как социальная действитель-

ность соотносится с более глобальной онтологией, то есть, как существование социальных фактов соотносится с другими существующими вещами.

Большая часть нашей метафизики происходит из физики (включая другие естественные науки). Многие характеристики действительности современной естественнонаучной концепции все еще спорны и проблематичны. Например, Теория Большого Взрыва не достаточно обоснована. Но есть две теории этой концепции действительности, которые вне критики. Если вы образованный человек современного мира, Вы знаете об этих двух теориях: атомная теория строения материи и эволюционной теория биологии.

Упрощенно изображение действительности этих двух теорий выглядит следующим образом: мир состоит полностью из объектов, которые для удобства, хотя и не совсем точно, описываются как частицы. Эти частицы существуют в силовых полях и организованы в системы. Примеры систем - горы, планеты, молекулы, реки, кристаллы и газы. Некоторые из этих систем – это живые системы; и на нашей небольшой земле, живые системы содержат много углеродных молекул и очень интенсивно используют водород, азот и кислород. Живые системы развиваются через естественный отбор и у некоторых из них развились особого рода клеточные структуры, а именно, нервная система, способная к порождению и поддержанию сознания. Сознание является биологической и, следовательно, физической, хотя, конечно, также и ментальной характеристикой некоторых нервных систем с более высоким уровнем развития, таких как человеческий мозг и большого количества различных типов мозгов животных.

С сознанием приходит интенциональность, способность разума представлять объекты и состояния мира по другому, чем они есть сами по себе. Интенциональность используется как технический термин, означающий, характеристику представлений, благодаря которой они относятся к чему-то или направлены на что-то. Убеждения и желания интенциональны, в том смысле, что имея убеждения или желания, мы должны верить, что что-то есть или желать что бы оно было. Интенциональность, согласно такому определению, нельзя свести к намерению (интенции). Намерение, например, пойти в кино – всего лишь частный вид интенциональности.

Не все сознательное интенционально и не все интенциональное сознательно. Можно чего-то не сознавать в данный момент, но все бессознательные интенциональные состояния должны быть в принципе доступны для сознания.

Далее Серль переходит к скелету своей онтологии: Мы живем в мире, состоящем полностью из физических частиц и силовых полей. Некоторые из них организованы в системы. Некоторые из этих систем живые системы и у некоторых из этих живых систем развилось сознание. С сознанием приходит интенциональность - способность организма представлять объекты и состояния самого мира. Теперь перед нами встает вопрос, как можно рассматривать существование социальных фактов внутри такой онтологии?

1.4. Объективность и наш современный взгляд на мир.

В данном пункте автор предлагает рассмотреть наше понимание объективности и отличия между объективностью и субъективностью. Оба этих понятия можно употреблять в различных смыслах, для нашей дискуссии важными являются два смысла, эпистемиологический смысл различия между субъективным и объективным и онтологический. С *эпистемиологической* точки зрения "объективность" и "субъективность" - прежде всего предикаты суждений. Мы часто называем сужде-

ние "субъективным", имея в виду, что его истинность или ложность не может быть установлена "объективно", потому что истинность или ложность - не простой вопрос факта, но зависит от некоторых установок, чувств и точек зрения тех кто произносит и слушает суждение. Пример такого суждения: "Рембрандт - лучший художник чем Рубенс". В этом смысле, мы противопоставляем субъективные суждения с объективным, таким как: "Рембрант жил в Амстердаме в течение 1632 года." Объективные суждения независимы от чьих-либо отношений и чувств.

В *онтологическом смысле*, "объективность" и "субъективность" - предикаты объектов и типов объектов и относятся к способу существования. В онтологическом смысле, боль субъективна, потому что ее существование зависит от чувств субъекта. Но горы, например, в отличие от боли, онтологически объективны, потому что их существование не зависит от воспринимающего или умственного состояния.

Мы можем делать эпистемиологически субъективные суждения об объектах, которые онтологически объективны, и аналогично, мы можем делать эпистемиологически объективные суждения об объектах, которые онтологически субъективны. Например, суждение "У меня болит спина " – эпистемиологически объективный факт, но боль существует в зависимости от субъекта, следовательно, такое утверждение будет онтологически субъективным.

1.5. Различие между присущими объекту (внутренними) и зависимыми от наблюдателя свойствами мира.

Исторически делается большие различия между разумом и телом, между природой и культурой. В параграфе "Фундаментальная онтология", автор молчаливо отказался от традиционной дуалистической концепции соотношения разума и тела в пользу представления о том, что разум высший уровень развития мозга, природа которого одновременно и "ментальная" и "физическая". Автор использует слово "ментальный", с этой позиции, чтобы показать, как "культура" создается вне "природы". Важным шагом в своем исследовании автор называет проведение различий между теми особенностями мира, которые существуют независимо от нас и которые зависят от нас для их существования.

Свойства мира, которые раскрывают нашу фундаментальную отологию, например, горы и молекулы, существуют независимо от наших представлений о них. Однако, когда мы начинаем определять свойства мира далее, мы обнаруживаем, что есть различие между теми свойствами, которые мы могли бы называть *присущими объекту* по природе и теми, которые существуют *в зависимости от интенциональности наблюдателя* и т.д. Например, предмет передо мной обладает массой, цветом, состоит из определенных химических элементов и т.д. – все эти свойства *присущи объектам*, но в то же самое время истинным утверждением об этом объекте будет то, что это отвертка. Когда я описываю объект как отвертку я выделяю в нем такие *свойства, которые зависят от наблюдателя*. Это отвертка только потому, что люди используют ее как отвертку.

Выше изложенный простой пример в силу его важности лучше всего изложить по пунктам:

1. Существование физического объекта передо мной не зависит от моего отношения к нему.

2. Этот объект имеет много свойств, которые являются внутренними или свойственными ему в том смысле, что они не зависят от установок наблюдателей или

пользователей. Например, он имеет некоторую массу и некоторый химический состав.

3. Этот объект имеет и другие свойства, которые существуют только в зависимости от интенциональности агентов. Например, это - отвертка. Автор называет такие свойства "зависимыми от наблюдателя." Зависимые от наблюдателя свойства онтологически субъективны.

4. Некоторые из этих онтологически субъективных свойств - эпистемиологически объективны. Например, это не только мое мнение, что это - отвертка. То что это отвертка - объективно установленный факт.

5. Хотя свойство быть отверткой - зависимый от наблюдателя факт, свойство думать, что что-что является отверткой (используется как отвертка, и т.д.) является внутренним для того, кто думает (пользуется отверткой). Быть отверткой – зависимый от наблюдателя факт, но свойства наблюдателя, которые позволяют ему создавать такие зависимые от наблюдателя свойства мира - внутреннее свойство наблюдателя.

Хороший способ понимания этих отличий состоит в том, чтобы спросить себя, может ли это свойство существовать, если бы никогда не было человека или других разумных существ? Зависимые от наблюдателя свойства зависят только от отношений наблюдателя. Присущие объекту свойства не дают представление о наблюдателе и существуют независимо от него. Если говорить более точно присущие объекту свойства реальности это те свойства, которые существуют независимо от умственных состояний, кроме самих умственных состояний, которые являются так же присущими объекту свойствами реальности.

Автор делает акцент на различиях между присущими объекту и зависимыми от наблюдателя свойствами, потому что социальная реальность вообще может быть понята только в свете этих различий. Зависимые от наблюдателя свойства всегда создаются присущими объекту ментальными феноменами наблюдателя. Эти ментальные феномены, подобно всем ментальным феноменам, онтологически субъективны; и зависимые от наблюдателя свойства наследуют эту онтологическую субъективность. Но эта онтологическая субъективность не противоречит утверждению, что зависимые от наблюдателя свойства являются эпистемиологически объективными.

Логическое следствие всех этих выкладок то, что для любого зависимого от наблюдателя свойства F, казаться F логически более первично, чем быть F, потому что казаться F необходимое условие для того, чтобы быть F. Если мы понимаем этот пункт, мы сможем понять отологию социально созданной реальности.

1.6. Назначение функции.

Для того, что бы создать аппарат, необходимый для объяснения социальной действительности внутри нашей лежащей в основе научной онтологии, требуется три элемента: *Назначение функции, коллективная интенциональность и конструктивные правила.*

Первая часть теоретического аппарата называется назначение (или наложение) функции. Чтобы объяснять это сначала нужно отметить замечательную способность людей и некоторых других животных накладывать на объект функции и, конечно, как существующие в природе так и особенно созданные объекты выполняют назначенные функции.

Важно то, что функции никогда не являются присущими объекту с точки зрения физической природы любого явления, но назначаются из вне сознательными наблюдателями и пользователями. Функции, короче говоря, никогда не являются присущими объекту, но - всегда зависят от наблюдателя.

Часто мы не понимаем это, особенно в биологии, когда говорим о функции, как свойственной природе объекта. Например, то, что сердце перекачивает кровь - это свойство присущее объекту (сердца - есть причина движения крови), но когда, в дополнение к этому, мы говорим, что функция сердца перекачивать кровь, мы делаем нечто большее, чем констатируем это присущее объекту свойство.

Мы располагаем эти факты относительно системы ценностей, которой мы придерживаемся этих ценностей – свойство присущее нам, но приписывание этих ценностей по природе не зависимых от нас зависит от наблюдателя. Даже, когда мы обнаруживаем природную функцию, например функцию сердца, это открытие состоит в открытии причинных процессов вместе с назначением определенной телеологии этим причинным процессам.

Нужно ясно понять, что на самом деле мы не открываем природную функцию, но открытие естественной функции может происходить только внутри целого ряда предшествующих приписанных функций (включая цели, телеологию и другие функции). Таким образом, когда мы уже приняли что для организм должен выжить и произвести потомство и, что для видов важно продолжить свое существование, мы можем открыть, что функция сердца качать кровь, функция вестибулярно-окулярного рефлекса - стабилизировать изображение на сетчатке и так далее. Когда мы обнаруживаем такую естественную функцию, за ней нет чего-либо, что можно обнаружить в природе вне причинно-следственных отношений. Слово "функция" добавляется к слову "причина" благодаря набору ценностей (включая цели и телеологию вообще). То, что мы можем обнаружить, что функция сердца - качать кровь, связано с тем, что мы берем из биологии то, что жизнь и выживание – ценность. Если бы мы думали, что самая большая ценность - славить Бога, делая глухие шумы, то функция сердца была бы делать глухие шумы и сердце с шумами было бы лучшим сердцем. Если бы смерть была для нас ценностью, мы бы говорили, что функция рака ускорить смерть, функция старения ускорить смерть и функция естественного отбора исчезновение. Во все функциональные назначения, никакие новые присущие объекту факты не включаются. Поскольку природные свойства являются присущими объекту, нет никаких функциональных фактов вне причинных фактов. Дальнейшее назначение функции зависит от наблюдателя.

Возникает вопрос, как определить функцию? Если ее определять в терминах *причин (каузальное определение)*, то она будет не более чем причиной – свойством присущим объекту. Но если функция определятся относительно набора ценностей, таких как жизнь, выживание, здоровье, то они зависят от наблюдателя. Если давать натуралистическое объяснение функции (функция сердца – качать кровь, потому что оно является причиной перекачивание крови), то функция будет присущим объекту свойством. Таким образом, первое различение, которое вводит автор - это различение функций и причин. Функция всегда подразумевает наличие некой телеологии. Если давать чисто каузальное определение функции, то функция холода, например, производить простуду.

Возможно решающим аргументом в пользу того, что функции, в отличие от причин, зависят от наблюдателя является то, что приписывание функции, в отличие от приписывании причинны, является интенциональным относительно заменимости (intensional-with-an-s). Интенциональность - такое свойство разума, посредст-

вом которого он направляется на объекты и состояния мира. Интециональность - такое свойство суждений и других представлений, посредством которого они не проходят тест на экстенциональность. Наиболее известный такой тест - Закон Лейбница: Если два выражения относятся к одинаковому объекту, они могут заменять друг друга в суждении, не изменяя истинность суждения. Суждения, которые не проходят этот тест является интенциональными относительно заменимости (intensional-with-an-s). Другое выражение, используемое для обозначения этого вида интенциональности - "референтная неясность." Обычно суждения о состояниях которые являются истинно интенциональными (intentional-with-a-t) являются интенциональными относительно заменимости (intensional-with-an-s), потому что в таких суждениях способ упоминания объекта воздействует на истинное значение суждения.

Замена кореферентных условий в функциональных контекстах не может гарантировать сохранение истинного значения. Таким образом, " функция A есть X" вместе с " X идентичен с Y" не подразумевает "A есть функция Y. " Например, это тривиальная истина, что функция весел – грести, грести означает оказывать давления на воду относительно фиксированной точки опоры; но это не означает, что функция весел оказывать давления на воду относительно фиксированной точки опоры.

Чтобы суммировать, первую особенность, мы должны обратить внимание на способность сознательных агентов, создавать социальные факты – назначать функции объектам и другим явлениям. Функции никогда не присущи объекту; они назначаются относительно интересов пользователей и наблюдателей.

Далее Серль делает акцент на некоторых центральных условиях:

1. Всякий раз, когда функция X есть Y, X и Y - части системы, где система частично определена целями, намерениями и значениями вообще. Вот почему есть функции полицейских и профессоров, но трудно определить функцию человечества в целом, если мы не думаем о людях как части несколько большей системы, где их функция, например, служить Богу.

2. Всякий раз, когда функция X есть Y, то X, как предполагается, вызывает или оказывает влияние на Y. Этот нормативный компонент функции не может быть редуцирован исключительно до причинности, до того что все время случается в результате X, потому что X может иметь функцию Y даже в случаях, когда X не вызывает Y всегда или даже в большинстве случаев. Таким образом функция предохранительного клапана предотвратить взрыв, и это истинно даже для некачественных клапанов, которые не предотвращают взрывы, то есть, они неисправно функционируют.

Для объяснения выше перечисленных проблем предлагается ввести различие между функциями агентивными и неагентивными. Иногда назначение функции связано с нашими непосредственными целями, практическими, гастрономическими, образовательными и т.д. Когда мы говорим, " Этот камень - пресс-папье," "Этот объект - отвертка," или " Это - стул, " эти три функциональных замечания означают то как мы используем объекты, функции, которые мы не открываем, которые на появляются естественным путем, но назначаются относительно практических интересов сознательных агентов. Так все эти функции связаны с использованием их агентом, с интенциями направленными агентом на объект я буду называть их агентивными. Не все эти интересы являются "практическими" в обычном смысле, потому что такие функции также назначаются, когда мы говорим "Как страшно это покрашено." Потому что все это объекты использования, к которыми агенты относятся интенционально, я буду называть их "агентивные функции." Не-

которые из объектов, к которым мы назначаем агентивные функции, конечно существуют в природе, например камень, который мы используем как пресс-папье; некоторые делаются искусственно, чтобы выполнять определенные функции, например стулья, отвертки и т.д. Объект, сделанный, чтобы выполнять одну агентивную функцию может использоваться для выполнения другой, например, " Этот молоток – мое пресс-папье." Как и в случае сердца, функция не присуща объекту в дополнение к причинным отношениям, но в отличие от приписывания функции сердцу в этих случаях приписывание функции приписывает использование, в которое мы интенционально помещаем объекты.

Некоторые функции не накладываются на объект для решения практических проблем, но назначаются природным объектам и процессам при их теоретическом рассмотрении. Таким образом мы говорим: "функция сердца качать кровь," имея в виду, что организмы живут и выживают. Относительно телеологии, для которой выживание и воспроизводство - ценности, мы можем обнаружить такие функции, встречающиеся в природе независимо от интенций и действий человеческих агентов; так что позвольте называть эти функции "функции неагентивными." Главное отличие агентивных от неагентивных функций то, что в случае агентивных функций приписывание функции приписывает использование, которое мы намеренно придаем этому объекту. Иногда функция агентивная может заменять неагентивную, например, когда мы делаем искусственное сердце. Для обозначения агентивных функций может использоваться слово явные (манифестируемые), не агентивные функции можно назвать латентными.

Еще одно различие: внутри агентивных функций мы должны идентифицировать специальный класс. Иногда агентивная функция, назначенная к объекту отражает или представляет что-то еще. Таким образом, когда я рисую диаграмму футбольной игры, я представляю отдельные позиции в виде кругов с закрашенными четвертинками, половинками и т.д.. В этом случае, агентивная функция, назначается к пометкам на бумаге, которые отражают что-то другое, но так как слова "отражать" и "представлять" являются только другими названиями интенциональности, в этом случае мы намеренно приписываем интенциональность объектам и состояниям, которым она на не присуща. Такой тип назначения функции называется символический или смысловой.. Наиболее примечателен в этом отношении, конечно, язык. Используя язык, мы налагаем специфическую функцию представления на знаки и звуки.

В целом по данному параграфу автор сделает следующие выводы:

1. Так как все функции – зависят от наблюдателя, я буду говорить о всех функциях как назначенных или наложенных.

2. Внутри категории назначенных функций некоторые являются агентивными, потому что они - предмет использования, которое агент прикрепляет к объекту, например, функция ванн служить для принятия ванн.

3. Внутри категории назначенных функций некоторые – являются неагентивными, потому что это естественно происходящие причинные процессы, к которым мы назначили цель, например, функция сердца качать кровь.

4. Внутри категории агентивных функций существует специальная категория тех объектов, чья агентивная функция символизирует, представляет, отражает или в целом означает что-то другое.

1.7. Коллективная интенциональность.

Многие виды животных, особенно мы, имеют способность к коллективной интенциональности. Это означает не только участие в совместной деятельности, но и разделение общих интенциональных состояний – таких как убеждения, желания и намерения. В дополнение к индивидуальной интенциональности есть коллективная интенциональность. Это такие случаи, когда я делаю что-то только как часть того, что мы делаем. Так, если я нападающий футбольной команды, то должен нападать на ворота противника, но я делаю это только как часть нашей общей игры. Если я виолончелист в оркестре, я играю мою часть в нашей общей симфонии. Понимание коллективной интенциональности необходимо для понимания социальных фактов.

Как соотносится индивидуальная и коллективная интенциональность, мои намерения и наши намерения? Большинство пытается ответить на этот вопрос, редуцируя "Мы интенциональность" до "Я интенциональность " плюс некая добавка, обычно вера в обоюдность намерений. Идея состоит в том, что, если мы делаем что-то вместе, я верю, что вы собираетесь делать то же самое, что и я, вы верите, что я собираюсь делать то же самое, что и вы. И каждый верит, что другой имеет эти верования и верования относительно этих верования и верования относительно этих верований относительно этих верований... и т.д., в потенциально бесконечной иерархии верований. "Я верю, что Вы верите, что я верю, что Вы верите, что я верю. ...," и так далее. В представлении Серля все усилия редуцировать коллективную интенциональность до индивидуальной ошибочны. Коллективный интенциональность - биологически примитивное явление, которое не может быть редуцировано или сведено к чему-то еще..

Есть веская причина, почему коллективная интенциональность не может быть редуцирована до индивидуальной интенциональности. То, что Вы верите что я верю и т.д., и Вы верите, что я верю, что Вы верите, и т.д., - не приводит к чувству коллективизма. Никакой набор " я Сознание, " даже дополненный убеждениями, не складывает к " Мы Сознание." Определяющий элемент в коллективной интенциональности – чувство совместности деятельности (желаний, верований и т.д.) и индивидуальная интенциональность происходит из коллективной интенциональности, которую они разделяют.

Почему так много философов пробуют свести коллективную интенциональность к индивидуальной? Они приводят следующий аргумент: интенциональность существует в голове отдельного человека, следовательно эта интенциональность может принимать только индивидуальную форму. Если кто-либо примет, что коллективная интенциональность - примитивная форма духовной жизни, он должен принять идею, что существует некий Ггелианский всемирный дух, коллективное сознание или что-то подобное. Требования методологического индивидуализма, видимо, вынуждает нас редуцировать коллективную интенциональность до индивидуальной интенциональности. Видимо нам приходится выбирать между редукционизмом и высшим разумом стоящим над индивидуальным. Серль считает, что такая дилемма является ошибочной. Да вся моя духовная жизнь - внутри моего мозга, и вся ваша духовная жизнь - внутри вашего мозга и так далее для всех. Но из этого не следует из того, что вся моя духовная жизнь должна проявляться в форме индивидуальной фазы, которая касается только меня. Форма, которую принимает моя коллективная интенциональность - просто "мы намереваемся," "мы делаем так, так и так," и т.п.. В этом случае, мои намерения –часть наших общих намерений. Интенциональность, которая существует в голове каждого, имеет форму "мы интенциональности".

Впредь выражение " социальный факт" используется, имея в виду любой факт, включающий коллективную интенциональность

1.8. Конструктивные правила и различия между грубыми и институциональными фактами.

Важно отличать " грубые" (неодушевленные) факты, например, что солнце находится на расстоянии девяносто три миллиона миль от земли, и институциональные, например, что Клинтон является президентом. Грубые факты существуют независимо от любых человеческих институтов; институциональные факты могут существовать только внутри человеческих институтов. Грубые факты требуют института языка, чтобы мы могли их констатировать, но сами по себе они существуют совершенно независимо от языка или любого другого института. Существование институциональных фактов, с другой стороны, требует специальных человеческих институтов. Язык - одно такое учреждение; действительно, это - набор целых таких учреждений.

Что представляют собой эти институты? Чтобы отвечать на этот вопрос автор вводит другое различие, различие между тем, что он называет *"регулятивные" и "конструктивные" правила*. Некоторые правила регулируют априорно существующие действия. Например, правило "машины едут по правой стороне дороги" регулирует вождение; но можно ездить на машине и без этого правила. Однако, некоторые правила не просто регулируют, они также создают саму возможность некоторых действий. Таким образом правила шахмат не регулируют априорно существующее действие, а скорее правила шахмат создают саму возможность игры в шахматы. Правила конструируют шахматы.

Конструктивные правила входят в системы, которые обычно имеют форму:

"X нужно считать Y" или X нужно считать Y в контексте C"

Институциональные факты существуют только внутри системы конструктивных правил. Системы правил создают возможность фактов этого типа, то что Клинтон является президентом, создано благодаря применению специфических правил, правил выборов и клятвы президента, например. Возможно важно подчеркнуть, что я обсуждаю правила и не соглашения. "Соглашение" подразумевает произвольность, но правила не являются произвольными..

Контекст "X нужно считать Y в C" является интенциональным относительно заменимости, Он референтно неясен. Таково, например, выражение:

1. Бумаги, которые печатаются правительством (X) нужно считать деньгами (Y) в США (C).

2. Деньги - корень зла

3. Бумаги, которые печатаются правительством нужно считать корнем зла в США.

Как всегда открытие референтной неясности – важный момент. В этом случае это будет указывать на то, что в институциональных фактах есть ментальный компонент. Интенциональность относительно заменимости вербального выражения указывает на то, что представляемые явления истинно интенциональны.

2. Создание институциональных фактов.

В этой главе описывается элементарная конструкция социальных фактов и логическая структура развития институциональных фактов из более простых форм социальных фактов. Чтобы сделать это Серль использует аппарат агентивных функций, коллективной интенциональности и конструктивные правила. Он также пытается объяснить некоторые озадачивающие свойства социальной реальности.

2.1. Некоторые очевидные свойства социальной реальности.

Сначала, Серль предлагает идентифицировать некоторые очевидные свойства социальной реальности, которую мы хотели бы объяснить. Так как Серль полагает, что философские исследования должны начаться наивно (как они продолжаются и заканчиваются - другой вопрос), то он просто перечисляет то, что предстает наивным - интуитивные свойства социальной действительности, включая как свойства институциональных фактов так и свойства тех социальных фактов, которые не требуют социальных институтов.

1. Самореферентность многих социальных понятий.

Понятия, которые называются социальные факты, видимо имеют специфический вид самореферентности. Например, чтобы понятие "деньги" превратилось в материю, оно должно быть вещью, о которой люди думают, что это деньги. Если все перестанут верить, что это - деньги, они прекратят функционировать как деньги и в конечном счете прекратят быть деньгами. Говоря на языке логики, "определенная субстанция х является деньгами" подразумевает имплицитное включение дизъюнкция формы "х используется как деньги или х рассматривается как деньги и т.д." Но это, видимо, имеет то следствие, что понятие денег, истинное определение слова "деньги", является *самореферентным*, потому что, чтобы что-либо удовлетворяло определению, *оно должно рассматриваться или использоваться как деньги*. Для таких фактов, с точки зрения логики истинно, что Вы не можете вводить в заблуждение всех людей все время. Если все всегда думают, что это - деньги, используют это как деньги и обращаются с этим как с деньгами, то это деньги. Если никто никогда не думает, что это - деньги, то это не деньги. И то, что подходит для денег, подходит для выборов, частной собственности, войн, голосования, обещаний, браков, покупки и продажи, политических партий и так далее.

Чтобы точно обозначить это мы должны провести различие между институтами и общими действиями с одной стороны и специфическими случаями с другой, то есть мы должны отличать между типами (type) и экземплярами (tongue). Доллар может упасть с печатного станка, упасть в щель в полу и никогда не использоваться и не рассматриваться как деньги, но он это будет все еще деньгами. В таком случае отдельный экземпляр – это деньги, даже если никто не думает, что это деньги. Аналогично, в обороте могут быть поддельные доллары, о которых никто не знает, что это было подделка. В таком случае каждый, кто использует этот отдельный экземпляр, будет думать, что это деньги, даже если это не деньги на самом деле. Относительно специфических экземпляров люди могут систематически ошибиться. Но, что касается типа, убеждение, что этот тип является именно деньгами конструирует бытие денег.

Некоторые институциональные явления, типа денег, применимы больше к типам, чем экземплярам другие, например понятие вечеринки, применяются к каждому экземпляру. Например, если никто не думает, что это вечеринка, то это вряд ли может быть вечеринкой.

2. Использование перформативных высказываний в создании институциональных фактов.

Одна из наиболее удивительных особенностей институциональных фактов - то, что большинство из них, могут быть созданы явно перформативнми высказываниями. Перформативность относится к тому, что я называю "декларация". В декларации положение вещей, представляемое содержанием препозиционного речевого действия, переносится в бытие посредством успешной демонстрации истинности речевого действия. Институциональные факты могут быть созданы благодаря перформативности таких предложений, как "Встреча откладывается", "Я завещаю мое состояние племяннику," "Я назначаю Вас председателем," и т.д. Эти высказывания создают положение вещей, которое они представляют; и в каждом случае, положение дел – институциональный факт.

3. Логический приоритет грубых фактов над институциональными фактами.

Интуитивно кажется, что нет никаких институциональных фактов без грубых фактов. Например, любые деньги имеют некоторую физическую форму (бумага, золото, кредитные карточки).

Это истинно и для шахмат, выборов и университетов. Все они могут принимать различные формы, но для каждой из них должны быть некоторая физическая реализация. Это предполагает, что социальные факты вообще и институциональные особенно, иерархически-структурированны. Институциональные факты существуют поверх грубых физических фактов. Часто грубые факты проявляются не как физические объекты, но как звуки, издаваемые ртом человека или как отметки на бумаге или даже мысли.

4. Систематические отношения между институциональными фактами.

Институциональный факт не может существовать в изоляции, но только в целом ряде систематических отношений с другими фактами. Таким образом, например, чтобы в обществе были деньги должна существовать система обмена товаров и услуг за деньги. Но чтобы была система обмена должна быть система частной собственности.

Кроме того, как только мы выдвигаем логические или концептуальные требования взаимосвязи институциональных фактов, то оказывается, что в любой реальной ситуации мы найдем комплекс взаимосвязанных институциональных реалий. Например посещение ресторана, описанное в предыдущей главе включает множество аспектов: деньги, клиент, оплата счета и т.д..

5. Первичность социальных действий над социальными объектами, процесса над продуктом.

Заманчиво думать о социальных объектах как о независимо существующих объектах по аналогии с объектами, изучаемыми естественными науками. Заманчиво думать, что правительство, доллар или контракт являются объектами в том же смысле что и молекула ДНК, тектоническая плита или планета. Однако, в случае социальных объектов грамматическая форма существительного скрывает от нас факт, что здесь процесс является первичным над продуктом. Социальные объекты всегда конструируются социальными действиями; и, в этом смысле, объект только продолжающаяся возможность действия. Двадцать долларов, например, являются постоянной возможностью платы за что-что.

6. Лингвистический компонент многих институциональных фактов.

Относительно особенностей 1 и 2 - следующая очевидная особенность то, что только существа, имеющие язык или подобную языку систему представления, могут создавать большинство, возможно все, институциональные факты, потому что лингвистический элемент является частью установления факта. Но об этом в следующей главе.

2.2. От коллективной интенциональности к институциональным фактам: пример денег.

Самая простая форма социальных фактов включает простые формы коллективного поведения. Как было сказано ранее, способность к коллективному поведению биологически врожденная и формы коллективного интенционлальность не редуцируется до чего-то еще. Например, не нужно никакого культурного аппарата, соглашений или языка, что бы животные могли двигаться стаей или охотиться вместе. Когда стая гиен нападает на льва, им не нужен ни язык, ни культура, даже если поведение гиен высоко скоординировано и гиены реагируют не только на льва, но и на друг друга. Коллективное поведение дает преимущества в естественном отборе и это очевидно.

Единственная сложность переноса коллективного поведения животных и человека в общую теорию интенциональности происходит от того, что в любой сложной форме поведения, например нападении гиен на льва, вклад каждого животного в коллективное поведение будет иметь интенциональное содержание отличное от коллективной интенциональности. В случае людей, например, если наша команда нападает и моя задача – защищать фланги, моя индивидуальная интенция будет защищать фланги, но она отличается от коллективной интенции играть в нападении, даже если моя защита флангов только часть нашего нападения. Содержание индивидуальной интенциональности может отличаться от содержания коллективной интенциональности, даже если интенциональность индивидуума - часть коллективной.

Первый шаг в разработке иерархической таксономии социальной и институциональной реальности – то, что любой факт, включающий коллективную интенциональность, социальный факт. Таким образом, например, охота гиен на льва и деятельность Конгресса по разработке законов – случаи социальных фактов. Институциональные факты - особый подкласс социальных фактов. Деятельность Конгресса по разработке законов – институциональный факт; охота гиен на льва - нет.

Следующий шаг - введение агентивных коллективных функций. Имея аппарат, который включает как коллективную интенциональность так и интенциональное наложение агентивных функций на физические объекты, нетрудно объединить их. Если понятно как отдельный человек принимает решение использовать некоторый объект как стул или рычаг, то не трудно понять, как два или более людей вместе могут решить использовать некоторый объект как место, на котором они могут все сидеть или использовать что-либо как рычаг, который будут использовать скорее несколько, чем один человек. Коллективная интенциональность может генерировать агентивные функции так же легко как индивидуальная.

Следующий шаг более труден, потому что он включает коллективное наложение функций в случаях, когда назначение объекту функции не может выполняться исключительно на основе присущих объекту физических свойств, случаев отличных от тех когда мы используем палку в качестве рычага. В этом случае сама функция реализуется только как предмет человеческого сотрудничества. Как мы увидим, коллективное наложение функции в тех случаях, когда функция может

выполняться только как результат коллективного соглашения или принятия, является определяющим элементом в создании институциональных фактов.

Рассмотрим, например, примитивное племя, которое строит стену вокруг территории. Стена пример функции, наложенной в результате явных физических свойств: она достаточно высокая, чтобы держать врагов снаружи, а членов племени внутри. Но предположим, что стенка постепенно развивается от физического к символическому барьеру. Вообразите, что стенка постепенно разрушается и единственное, что остается – это линия камней. Но вообразите, что жители и соседи продолжают рассматривать линию камней как границу территории, таким образом что это воздействует на их поведение. Линия камней теперь имеет функцию, которая не является результатом явных физических свойств, но результатом коллективной интенциональности. В отличие от высокой стенки или рва остаток стенки не может оберегать людей просто посредством своей физической конституции. Результат, в очень примитивном смысле, символический; потому что ряд физических объектов теперь выполняет функцию лежащую за пределами их непосредственных свойств, а именно, ограничения территории. Линия камней выполняет ту же самую функцию что и физический барьер, но делает это не из-за своей физической конструкции, но потому что ей был коллективно назначен новый статус, статус границы.

Этот шаг кажется наиболее естественным и простым, но он важен в своем применении. Животные могут наложить функции на естественные явления. Например, приматы используют палку как инструмент доставания бананов и некоторые приматы даже развили традиции агентивных функций, которые передаются от одного поколения к следующему. Например, известная всем обезьяна японская макака Ушоу, стала мыть в соленой воде бататы – очищая их от песка и улучшая вкус. Благодаря Ушоу, пишет исследователь Куммер, мытье бататов в соленой воде стало традицией, которую детеныши выучивают от их матерей. Но человек радикально отличается от животных, когда люди через коллективную интенциональность налагают функции на явления, функции которых не могут быть выведены исключительно из их физики и химии, но требуют длительного человеческого сотрудничества и специфических форм признания, принятия и подтверждения нового статуса, которому назначается функция. Это – начальный пункт всех институциональных форм человеческой культуры и он всегда должен иметь структуру X считать за Y в C.

Наша цель состоит в том, чтобы соединить социальную действительность с нашей базисной онтологией - физикой, химией и биологией. Чтобы сделать это, мы должны показать непрерывную линию, которая идет из молекул и гор к отверткам, рычагам и затем к законодательным органам, деньгам и государствам. Центральный пункт на пути от физики к обществу - коллективная интенциональность и решающее движение на пути создания социальной действительности - коллективное интенциональное наложение функций на объекты, которые не могут выполнять этих функций без такого наложения. Радикальным движением, которое поднимает нас от таких простых социальных фактов, как то, что мы сидим на скамейке, к институциональным фактам - деньгам, собственности и бракам, является коллективное наложение функций на объекты, которые в отличие от рычагов, скамеек и автомобилей не могут выполнять функции исключительно на основании их физической структуры. В некоторых случаях, бумажных деньгах, например, так происходит потому, что структура только случайно связана функцией; в других случаях, правах на вождение, например, так происходит потому, что люди не могут выполнять функцию вождения, если они не имеют на это право.

Ключевой элемент в перемещении от коллективного наложения функции к созданию институциональных фактов - наложение коллективно признанного статуса, к которому прикрепляется функция. Так как это особая категория агентивных функций, Серль называет их статус -функциями. В случае границы мы представили как первоначально функционирующий как физический объект стена, развился в символический объект - границу. Граница функционирует таким же образом как стена, но средства, которые выполняют эту функцию - коллективное признание, что у линии камней есть особый статус, к которому прикрепляется функция.

Как иллюстрацию этого, рассмотрим пример денег и особенно бумажных. Обычно в учебниках выделяются три вида денег: товарные деньги, например золото, считающееся ценностью и, следовательно, деньгами, потому что товар тоже ценность; контрактные деньги (векселя) состоящие из бумаги, считающиеся ценностью, потому что на них есть обязательство, что предъявитель получит за них ценный товар, например золото; и бумажные деньги, которые объявляются деньгами некоторым официальными агентствами - правительством или центральным банком.

Товарные деньги средство обмена, потому что они ценность; бумажные деньги ценность, потому что они средство среда обмена.

Первоначальное использование товарных денег - золота и серебра, в действительности, было формой бартера, потому что форма, которую имели деньги сама по себе была ценностью. Таким образом, рассматриваемое вещество выполняет функцию денег исключительно благодаря физической природе, которая имеет некоторую функцию, наложенную на нее Таким образом, золотые монеты ценны не потому что они - монеты, но потому что они сделаны из золота и ценность, присоединенная к монете равна ценности золота. Мы налагаем функцию "ценности" на золото, потому что мы желаем обладать этим веществом.

Так как функция ценности уже была наложена на золото, нужно было просто наложить функцию денег поверх нее. Так как люди уже расценивают золото как ценность из-за его физической природы, они могут принять его средство обмена. Мы, таким образом, имеем систему обмена, где объекты служат для бартера, даже если люди имеющие эти объекты не имеют от них никакой непосредственной пользы. Подобная ситуация существовала, между прочим, в Советском Союзе во время его распада. В Москве в 1990 и 1991 сигареты Marlboro использовались как валюта. Люди принимали оплату в Marlboro, даже если они сами не курили.

Согласно истории средневековой Европы банкиры принимали золото и хранили его, взамен золота выдавая бумажные удостоверения владельцу золота. Удостоверения затем могли использоваться как средство обмена, точно как само золото. Удостоверение было заменой золота. Оно было ценным объектом, потому что в любой момент его можно было поменять на золото. Товарные деньги таким образом были заменены контрактными.

Потом кто-то додумался, что можно увеличивать запас денег, выдавая большее количество удостоверений, чем есть золота. Поскольку удостоверения продолжают функционировать, поскольку они имеют коллективно наложенную функцию, которая продолжает быть коллективно принятой, удостоверения, как решил этот гений, также хороши как золото. Потом все решили, что мы можем забыть о золоте и иметь только удостоверения. Так мы пришли к бумажным деньгам, которые мы имеем сегодня.

2.3. Конструктивные правила: X считать как Y в C.

Мы сможем лучше понять пример денег, если исследуем роль конструктивных правил в создании институциональных фактов. Форма конструктивных правил " X считать как Y в C "; это выражение определяет набор институциональных фактов и институциональных объектов, где термином Y обозначается нечто большее, чем явные физические свойства объекта, называемого термином X. Кроме того, выражение "считать как" обозначает свойство наложения статуса, к которому присоединяется функция посредством коллективной интенциональности, где статус и прилагающаяся к нему функция выходит за пределы явных грубых физических функций, которые могут быть назначены физическим объектам. Сказать "объект, который разработан и используются для сидения человека считать за стул," – не означает использовать конструктивное правило, потому что качества X термина уже достаточны для Y термина. Данный объект может функционировать как стул и без человеческого соглашения. "Правило" не добавляет ничего, кроме названия, так что оно не будет конструктивным правилом. Но когда мы говорим, что такие и такие бумаги считать за деньги, мы выражаем конструктивное правило, данные бумаги не могли бы функционировать как деньги без человеческого соглашения. Применение конструктивных правил, таким образом, имеет следующие особенности: Y термин должен назначить новый статус, которого нет у объекта только благодаря X термину; и должно быть коллективное соглашение, или по крайней мере принятие, как наложения статуса на сущность обозначаемую X термином, так и функции, которая соответствует этому статусу. Кроме того, так как физические особенности X термина недостаточны, чтобы обеспечить выполнение назначенной функции, определяемой Y термином, новый статус и соответствующая функция должны быть чем-то, что может быть создано в соответствии с коллективным соглашением или принятием.

Аналогично, так как физические свойства, определяемые X термином недостаточны, чтобы выполнять назначенную функцию, должно быть продолжение коллективного принятия правильности назначенной функции; иначе функция не может успешно выполняться. Не достаточно, например, согласиться с первоначальным назначением, " Эта сущность - деньги"; мы должны продолжать принимать это как деньги.

Есть чувство, что есть что-то мистическое в том, что создание институциональных фактов из грубых фактов происходит из нефизического, непричинного характера отношений X и Y в структуре, где мы просто *считаем* объект X объектом Y. Исходя из нашего жесткого метафизического настроя мы должны спросить " X действительно есть Y?" Например, являются ли эти бумажки действительно деньгами ?

У нас нет такого сомнения по поводу тех вещей, агентивная функция которых выполняется полностью благодаря их физическим свойствам. Таким образом, у нас нет метафизического сомнения по поводу того, что этот объект действительно отвертка или что это действительно автомобиль, потому что явные физические свойства рассматриваемых объектов дают им возможность функционировать как отвертке или автомобилю.

В этом пункте Серль просто описывает структуру, посредством которой институциональная действительность работает в реальных человеческих обществах. Для этого используется пример денег.

Определенного рода кусочки бумаги получили широкое распространение в Соединенных Штатах. Эти кусочки бумаги удовлетворяют некоторым условиям X

термина. Они должны иметь специфические материальные компоненты и они должны соответствовать некоторому набору образцов (пять долларов, десять долларов и т.д.).

Они должны также быть выданы казначейством США. То, что удовлетворяет этим условиям (X термин), нужно считать деньгами в США (Y термин). Но говорить что эти кусочки бумаги - Y термин ("деньги") – делать нечто большее, чем давать короткое название X термина; это давать новый статус, который имеет ряд функций, присоединенных к нему, например, средство обмена и т.д. Благодаря конструктивным правилам эти кусочки бумаги считают "допустимым видом всех расчетов - общих и частных." И наложение статуса, обозначаемого Y термином, должно коллективно приниматься или функция не будет выполняться.

Из этого примера следуют некоторые наиболее следующие характерные особенности:

1.Коллективная интенциональность назначает новый статус к некоторому явлению и этот статус имеет соответствующую функцию, которая не может выполняться исключительно исходя из присущих рассматриваемому явлению физических свойств. Это назначение создает новый факт, институциональный факт, новый факт, созданный в соответствии с человеческим соглашением.

2. Форма назначения новой функции и статуса может выглядеть как " X считать как Y в C." Эта формула дает нам мощный инструмент для понимания того, как создаются новые институциональные факты, потому что сущность коллективной интенциональности заключается в наложении статуса и функции, определяемого Y термином, на некоторое явление, называемое X термином. "Считать как" является определяющим в этой формуле, потому что, так как рассматриваемая функция не может выполняться исключительно исходя из физических свойств X элемента, требуется наше соглашение или принятие, что это так. Таким образом, мы соглашаемся считать, что объект X обладает статус- функцией Y. Следовательно, возможность назначения функции Y ограничена теми вещами, относительно которых может быть коллективное соглашение или принятие.

3.Процесс создания институциональных фактов может происходить и в том случае, если участники не осознают, что это происходит именно таким образом. Например, используя деньги нам не обязательно думать, например, "это ценно, потому что мы коллективно налагаем такое значение на то, что мы не расцениваем как ценность только исходя из физических особенностей". Этот процесс может относиться к сознанию с двух сторон. Во первых, очевидно, для большинства институтов, что мы просто растем в культуре и воспринимаем институты как данные. Нам не нужно осознавать их онтологию. Второе, при самом развитии института его участникам не нужно осознавать форму коллективного интенциональности, посредством которой они налагают функции на объекты.

Как только люди продолжают признавать X как имеющий статус-функцию Y, институциональный факт создается и поддерживается. Им, кроме того, не нужно знать, что они так признают и они могут придерживаться всякого рода неправильных убеждений относительно того, что они делают и почему они делают это. Именно поэтому, многие думают, что брак дан нам Богом и т. д.

4.Когда наложение статус- функции согласно формуле становится всеобщим, формула приобретает нормативный статус, который сам становится конструктивным правилом. Это видно в тех случаях, когда общее правило создает возможность злоупотреблений, которые не могли бы существовать без правила, например подделка денег (объекты выглядят как удовлетворяющие свойствам X термина, но они не являются им) и гиперинфляция (выпускается слишком много денег,

так, что объекты, удовлетворяющие X термину, не могут больше выполнять функцию, определенную Y термином). Возможность злоупотребления - характеристика институциональных фактов.

5. Соотношение между правилом и соглашением (конвенцией), по крайней мере в этом случае, является крайне ясным. То что объекты могут функционировать как средство обмена - не предмет соглашения, а правило. Но какие объекты выполняют эту функцию - предмет соглашения. Аналогично в шахматах, полномочия короля - не вопрос соглашения, а правила. Но на какую фигуру наложить эти полномочия - вопрос соглашения. Потому что в этих случаях условия, определяемые X термином только случайно связаны, с функцией, определяемой Y термином, выбор X термина более или менее произволен; и то, что именно будет использоваться как деньги или король в шахматах, является вопросом соглашения. Но как мы увидим дальше, часто особенности, необходимые для применимости X термина необходимы для эффективности Y термина. Например, сертификация хирурга, наложение на данного человека статуса хирурга (Y термин) должно быть основано на наличии некоторых свойств данного человека (X термин).

В многих случаях X термин выбирается точно, потому что он рассматривается как имеющий особенности, необходимые для выполнения функции, определяемой Y термином. Например, предполагается, что человек, который выбирается президентом, обладает соответствующими способностями к выполнению функции У. Но даже в этих случаях что-то добавляется Y термином. Особенности, определяемые X термином не достаточны, чтобы гарантировать дополнительный статус и функцию, определяемую Y термином.

6. Особое соотношение между наложением статуса и функции и языком. Слова, которые являются частью выражения Y, например слово "деньги", являются конструктивными в отношении созданного факта. Случайное сочетание звуков, лингвистическое понятие, например слово "деньги", является теперь частью самого факта, который мы создали.

2.4. Почему самореферентность не приводит к кругу в определении.

При перечислении шести очевидных свойств социальной действительности, первоначально возникла проблема, как мы можем определять "деньги", если часть определения "о них думают или расценивают или верят, что это деньги." Но не ведет ли это к кругу или бесконечному регрессу в любой попытке определить слово или дать объяснение понятия денег? Но парадокс разрешается просто. Слово "деньги" являются узлом целой сети практик: собственности, покупки, продажи, приобретения, платы за услуги, платы за долги и т.д. Как только объект расценивается, как имеющий такого рода роли на практике, нам не нужно определять слово "деньги", следовательно, нет никакого круга или бесконечного регресса. Слово "деньги" функционирует как буквенный знак для лингвистического обозначения всех этих действий. Чтобы верить, что что-то является деньгами, человеку не нужно слово "деньги". Достаточно, что каждый верит, что рассматриваемые объекты являются средством обмена, накопления ценностей, оплаты за долги, жалованья за услуги и т.д. Короче говоря, тот факт, что набор некоторых отношений конструирует условия истинности некоторого понятия и тот факт, что эти отношения обычно суммируются в итоговом понятии (например, мы думаем, что это деньги, думаем, что эти люди женаты), не влечет за собой, что слово, выражающее это понятие, не может быть определено без круга или бесконечного регресса.

Хотя мы не нуждаемся в понятии "деньги", чтобы определить "деньги", и таким образом мы избегаем непосредственного круга, мы нуждаемся в определении других институциональных понятий, типа "покупка", "продажа" и "собственность", и таким образом мы избегаем порочного круга только, расширяя круг, включая другие институциональные понятия. Мы попробуем уменьшить понятие "деньги" до не институциональных понятий.

Выше говорилось, что есть различие между самореферентностью понятия в отношении типа и экземпляра. Что касается денег, отдельный экземпляр может быть деньгами, даже если никто не думает, что это деньги, но что касается вечеринки, если никто не думает об отдельном событии, что это – вечеринка, это - не вечеринка. Причина по которой мы в этом отношении рассматриваем деньги по другому, чем вечеринку связана с кодификацией, если рассматриваемый институт кодифицируется в "официальной" форме, как в законах касающихся обращения денег, тогда рассматриваемая самореферентность - свойство типа. Если он неофициальный, не кодифицируемый, то самореферентность применяется к каждому экземпляру. Кодификация, следовательно, определяет чем является феномен типом или экземпляром. Следовательно экземпляр может иметь свойства, о которых никто не думает, но тип все еще определяется самореферентным способом.

Самореферентность - непосредственное следствие природы агентивных функций. Она не является специфической для институциональных фактов. Так, например, чтобы что-то было стулом, оно должно функционировать как стул и, следовательно, оно должно рассматриваться или использоваться как стул. Стулья не являются абстрактными или символическими понятиями в том же смысле, что деньги и собственность, но проблема в обеих случаях одинакова. Что касается агентивных функциональных понятий, часть удовлетворительного описания, видимо, удовлетворяет это описание. Это не ведет к кругу или бесконечному регрессу по вышеперечисленным причинам: Мы можем убрать деньги из описания набора практик, которые включает данный феномен. Стулья - для сидения, деньги для покупок и т.д.

2.5. Использование перформативных высказывания в создании институциональных фактов.

Вторая очевидная особенность, которую мы должны объяснить касается роли перформативных высказываний в создании многих, хотя не и всех, институциональных фактов. Объяснение заключается в структуре конструктивных правил. *Вообще, когда X термин - речевое действие, конструктивное правило позволяет речевому действию реализовываться как перформативное высказывание, создающее положение дел, описанный Y термином.* Говоря о некоторых вещах *"считать как"*, говоря, что Вы выполняете их, Вы можете делать их действительностью. Если Вы - начальник, то говоря в соответствующих обстоятельствах "встреча откладывается", вы будет делать так, что встреча действительно становиться отложенной. Говоря, в соответствующих обстоятельствах, "я назначаю Вас, председателем" вы будете делать это фактом. Но те же самые слова, сказанные не тем человеком или не при тех обстоятельствах не будут иметь никакого такого эффекта. Потому что конструктивное правило позволяет функции накладываться на речевое действие, только когда выполнение этого речевого действия в соответствующих обстоятельствах может создавать наложение этой функции и таким образом создавать новый институциональный факт.Не все институцио-

нальные факты могут конструироваться в соответствии с их декларацией. Вы не можете, например, коснуться Земли только говоря, что делаете это.

В целом по этому пункту: перформативность играет особую роль в создании институциональных фактов, потому что статус-функция, отмеченная Y термином в формуле "X считать как Y" может часто, хотя не всегда, налагаться простым объявлением того, что она налагается. Это - особенно истинно для случаев, где X термин – речевое высказывание.

2.6. Логический приоритет грубых фактов над институциональными.

Третья очевидная особенность, которую мы должны объяснить касается приоритета грубых фактов над институциональными. Как и вторая особенность она объясняется структурой конструктивных правил. Структура институциональных фактов – это структура иерархии формы "X считать как Y в контексте C." Основа этой иерархии – феномены, существование которых не предмет человеческого соглашения. Сказать что, есть статус-функция, наложенная на что-то, означает сказать, что есть что-то на что она накладывается. Если она накладывается на другую статус-функцию, то в конечном счете мы можем достигнуть фундамента, который не является формой другой статус-функции. Так, например, любые деньги, должны обладать некоторой физической реализацией, некоторым грубым фактом, даже если это только кусочек бумаги или отметка на компьютерном диске, на который мы можем наложить нашу институциональную форму статус -функции. Таким образом, нет институциональных фактов без грубых фактов.

2.7. Систематические отношения и первичность действия над объектом.

Нашим четвертым вопросом был вопрос, почему между институциональными фактами всегда существует некоторый вид систематических отношений? И пятый был, почему институциональные действия происходят до институциональных объектов?

Наиболее очевидная причина, по которой имеются систематические связи среди различных социальных фактов - то, что рассматриваемые факты разработаны именно для этой цели. Правительство существует, что бы влиять на все сферы нашей жизни; деньги существуют как единица ценности во всех видах транзакций.

Объяснение очевидной первичности социальных действий над социальными объектами - то, что "объекты" разработаны, чтобы обслуживать агентивные функции и не зависеть от нас лично. То что мы рассматриваем как социальные объекты - правительство, деньги – на самом деле только буквенное обозначение паттернов деятельности. Я надеюсь, что понятно, что в целом работа агентивных функций и коллективной интенциональности - предмет продолжающихся действий и создания возможности их дальнейшего продолжения.

Какой объект не имеет значения; важна статус- функция которая на него накладывается, но эта функция проявляется только в фактических транзакциях; следовательно, нас интересует не объект, но процессы и события, в которых проявляется функция. Приоритет процесса над продуктом также объясняет, почему институты не устаревают от непрерывного использования, но каждое использование института возобновляет его. Так как функция наложена на явление, которое не выполняет эту функцию исключительно благодаря своей физической конструкции, но в терминах непрерывного коллективного намерения пользователей, каждое

использование института возобновляет убеждение в его непрерывности. Отдельный доллар стареет. Но институт бумажной валюты укрепляется непрерывным использованием.

Шестая и последняя особенность, которую мы должны объяснить касается роли языка в институциональной действительности и эта тема рассматривается в следующей главе.

3. Язык и социальная реальность.

Главная цель этой главы состоит в том, чтобы объяснять и обосновать мое утверждение, что язык играет существенную роль в создании институциональной действительности.

Выше упоминалось, что невозможно иметь институциональные структуры такие как деньги, брак, правительство и собственность без некоторой формы языка, потому что в некотором сверхъестественном смысле, который я еще не объяснил, слова или другие символы создают факты. Но это как ни парадоксально, социальные факты в общем не требуют языка. Не обладающие языком животные демонстрируют любые виды кооперативного поведения

Кроме того, если мы говорим, что институциональная действительность требует языка, что мы можем сказать о самом языке? Если институциональные факты требуют языка, а язык самостоятельный институт, то язык должен требовать язык и мы имеем или бесконечный регресс или круг.

Есть сильная и слабая версия данного утверждения. Более слабая: чтобы иметь институциональные факты вообще, общество должно иметь по крайней мере примитивную форму языка, в этом смысле институт языка - логически первичен по отношению к другим институтам. С этой точки зрения язык - базисный социальный институт в том смысле, что все другие предполагают язык, но язык не предполагает другие: Вы можете обладать языком без денег и брака, но не обратное. Более сильное утверждение состоит в том, что каждый институт требует лингвистических элементов внутри этого института.

Серль считает, что оба утверждения истинны и приводит доводы в пользу более сильного утверждения.

3.1. Факты зависимые от языка мысли и зависимые от языка.

Чтобы объяснять проблему и аргументы, нужно коротко сделать некоторые элементарные разъяснения и различия. Нужно ясно выделить те особенности языка, которые являются релевантными к этой проблеме.

Свойства языка, существенные для конструирования институциональных фактов - существование символического аппарата, например слов, которые в соответствии с соглашением означают, представляют или отображают в символической форме что-то вне себя. Таким образом, когда говорится, что язык частично конструирует институциональные факты, это не означает, что институциональные факты требуют развитых естественных языков, делается утверждение, что язык - частично конструирует институциональные факты, что институциональные факты по существу содержат некоторые символические элементы: слова, символы или другие стандартные аппараты, которые означают, выражают, представляют или отображают в символической форме что-то вне себя, способом, который является принятым в обществе.

Язык, как Серль использует это понятие, обязательно содержит компоненты, которые отображают в символической форме; и в языке, в противоположность доязыковым интенциональным состояниям, такая интенциональная способность не является присущей объектам, но накладывается или происходит из присущей людям интенциональности. Таким образом предложение "я голоден" часть языка, потому что представляет или символизирует что-то в соответствии с соглашением. Но фактическое чувство голода - не часть языка, потому что оно представляет свойство присущее объекту. Нам не нужен язык или другой вид соглашения, что бы чувствовать голод.

Мы должны во первых провести отличие между независимыми от языка фактами и зависимыми. Факт не зависит от языка, если его существование не требует никаких лингвистических элементов.

Второе различие, в котором мы нуждаемся - *между зависимыми от языка и независимыми от языка мыслями*. Некоторые мысли зависят от языка, в смысле, что животное не могло бы их иметь, если бы не обладало языком или некоторым другим лингвистическим аппаратом для мышления, но некоторые мысли не зависят от языка, в смысле, что животное может иметь их, не обладая языком или любым другим лингвистическим аппаратом.

Обсудив эти различия, можно вновь выразить тезис, который мы пробуем исследовать. Тезис, что некоторые факты, что не является очевидным, видимо, зависят от языка, например - деньги и собственность. Но как они могут зависеть от языка, если деньги и собственность не являются словами и не состоят из слов?

Что бы факт был зависим от языка он должен отвечать двум достаточным условиям.

1. Умственные представления, например мысли, должны частично конструировать факт;
2. Рассматриваемые представления должны зависеть от языка.

Непосредственно из структуры конструктивных правил следует, что первое из этих условий связано с институциональными фактами. Из того факта, что статусная функция, определяемая Y термином, может выполняться только, если она принимается, подтверждается или иначе если в нее верят, следует, что рассматриваемый институциональный факт может существовать только, если его представляют существующим. Спросите себя, что нужно, что бы кусок бумаги в моей руке был двадцатью долларами счетом или что бы Том владел домом, и Вы поймете, что должны быть умственные представления, которые частично конструирует эти факты. Эти факты могут существовать только, если люди имеют некоторого вида убеждения и другие умственные установки. То о чем упоминалось ранее, когда говорилось, что деньги –это деньги только, если люди верят что это – деньги и т.д. Все институциональные факты, в этом смысле, онтологически субъективны, даже если они эпистемиологически объективны.

Что касается второго условия, должны ли рассматриваемые представления зависеть от языка? Удовлетворение первого условия не влечет за собой удовлетворение второго. Факт может содержать умственные состояния как конструктивные свойства, но все еще не быть лингвистическим. Например, предположим, мы произвольно создаем слово "собачья кость", чтобы обозначить кость, которую хочет по крайней мере одна собака. Тот факт это и только эта вещь – собачья кость, частично создается некоторым песьим умственным состоянием. Но в этом умственном состоянии нет никакого лингвистического компонента, потому что собаки могут хотеть кости, не имея языка, чтобы выразить желание.

Чем отличается кость и деньги? Почему убеждение, что что-либо является деньгами, требует языка для своего существования, а желание иметь кость нет? Что нужно, что бы думать: "Это - деньги"?

Как мы видели, для этого не нужно слово "деньги" само по себе, так как слово не должно рассматриваться в своей области определения. Но почему я все же должен обладать некоторыми словами или словоподобными элементами, чтобы мыслить? Это - не тривиальный вопрос. Ответ этому может получать только исходя из характера передвижения от X к Y, когда мы считаем некоторый X как обладающий статус - функцией, называемой Y термином. Ответ, короче говоря, должен исходить из понимания природы статус - функций. Коротко ответ, заключается в том, что перемещение от X к Y является по своей природе лингвистическим, даже в случаях, когда язык явно не используется.

3.2. Почему любая мысль зависит от языка?

Наш первоначальный тезис, что институциональные факты зависят от языка, сводится к тезису, что мысли, которые конструируют институциональные факты зависят от языка. Но почему, любые мысли, помимо мыслей о лингвистических элементах непосредственно, зависят от языка? Здесь есть различные случаи.

Во первых, некоторые мысли имеют такую сложность, что эмпирически невозможно думать о них без символов. Математические мысли, например, требуют системы символов. Но с логической точки зрения это возможно. Представьте, что в процессе эволюции возникли существа, которые могут думать о сложных арифметических отношениях без использования символов.

Другие случаи включают язык как логическую необходимость, потому что лингвистическое выражение мысли является необходимым для того, что бы быть мыслью. Например, мысль "Сегодня - вторник 26-ого октября." Такая мысль требует совершенно определенного набора слов или их синонимов, потому что содержание мысли размещает день относительно специфической вербальной системы идентификации дней и месяцев.

Мысль зависит от языка, потому что соответствующий факт зависит от языка. Нет никакого факта относительно вторника 26-ого октября за исключением факта, что этот день занимает определенную позицию относительно вербальной системы. Но, можно сказать, что то же истинно, например, и для "собак" и "кошек". Что-то называется "собака" или "кот" только относительно лингвистической системы. Это собака только относительно системы идентификации животных и объектов вообще. Но здесь есть определяющее различие: Свойства объекта, благодаря которым слово "собака" является истиной для него, то есть, свойства благодаря которым это собака – это свойства, которые существуют независимо от языка. Но свойства, благодаря которым сегодня - вторник 26-ого октября, не могут существовать независимо от вербальной системы, потому вторник 26-ого октября - предмет отношения к вербальной системе.

Короче говоря, это мысль зависит от языка, потому что часть содержания этой мысли удовлетворяет условиям, которые существуют только относительно слов.

Далее автор предлагает рассмотреть институциональные факты. Автор утверждает, что мысль, что это двадцать долларов и что это является моей собственностью, концептуально требуют языка, что такие мысли, подобно мыслям относительно сегодняшней даты, зависят от языка. Почему?

3.3. Игры и институциональная реальность.

Чтобы аргументировать это утверждение, автор начинает с рассмотрения некоторых довольно простых фактов на примере игр, потому что они иллюстрируют рассматриваемые аргументы. Рассмотрим пример голов, выигранных в футболе. Мысль "Счет шесть голов" может существовать только относительно лингвистической системы для представления и подсчета голов, и таким образом мы можем думать о голах только, если владеем лингвистическим аппаратом, необходимым для такой системы. Но почему? Ответ прост, если Вы уберете символический аппарат для представления голов, там ничего не останется. Там только система для представления и подсчета голов.

Голы могли бы представляться некоторыми символическим аппаратом отличным от слов, например, мы могли бы считать голы, собирая камни, один камень для каждого гола. Но тогда камни были бы таким же лингвистическим символом, как любой другой. Они имели бы три необходимых свойства лингвистических символов: они отображают в *символической* форме что-то вне себя, они делают так в соответствии с *соглашением* и они *общепринятые*. Но почему, животное не может рождаться с прелингвистическим желанием выигрывать голы? Ответ состоит в том, что желание выиграть гол не имеет содержания независимого от социально принятой системы представления и подсчета голов.

Наша трудность в наблюдении таких фактов происходит частично из некоторой модели, с помощью которой мы объясняем, как работает язык. Модель работает для большинства случаев, и следовательно мы думаем она должна работать во всех случаях. Согласно этой модели есть слова и другие выражения, они имеют смысл или значения и благодаря этому смыслу они имеют референты (то с чем они соотносятся).

Эта модель не работают для институциональных фактов. Например в футболе, даже если мы не имеем слов для "человека", "линии", "мяча", и т.д., мы можем видеть человека бегущего с мячом и, таким образом, мы можем думать без слов. Но без языка мы не можем думать, что счет шесть голов, потому что мы не можем это видеть.

Голы не являются внешними объектами в том же смысле, что люди, мячи и линии. Теперь хочу описать общий принцип, который лежит в основе этого. На самом низком уровне перемещение от X к Y, которое создает институциональные факты, это перемещение от грубого уровня до институционального уровня. Это перемещение может существовать только, если оно представляется как существующее. Но нет никакого до лингвистического способа представить Y элемент, потому что нельзя без языка воспринимать дополнение к X элементу, и нельзя без языка иметь интенции, желания к дополнению к X элементу. Без языка, мы можем видеть, что человек пересекает белую линию, задерживающую мяч и без языка, мы можем хотеть, чтобы человек пересек белую линию, задерживающую мяч. Но мы не можем видеть, что счет шесть голов или хотеть этого, потому что голы не могут мыслиться и существовать независимо от слов или других видов маркеров. И что истинна для голов - истинно для денег, правительств, частной собственности, и т.д. Само создание статус - функций - таково что они, и частично создаются мыслями и до лингвистические способы мышления не подходят для этого. Причина заключается в том, что статус- функции существуют только посредством коллективного соглашения и нет до лингвистического способа формулирования содержания соглашения, потому что оно не включает до лингвистические естественные компоненты. Y термин создает статус, который является дополнительным к физическим особенностям X термина, и этот статус должен обеспечить основу

действия, которые являются независимыми от наших естественных тенденций. Этот статус существует только, если люди полагают, что он существует,. Следовательно, агент должен иметь некоторый способ представления нового статуса. Он не может сделать это в терминах до лингвистических грубых свойств X термина. Так как новый статус существует только в соответствии с соглашением, должен иметься некоторый стандартный способ репрезентации статуса или система не будет работать. "Но почему сам X термин не может быть стандартным способом репрезентации нового статуса? Да может, но назначать эту роль X термину означает назначить символический или лингвистический статус.

Обратите внимание, что статус - функция отличается от причинных агентивных функций в отношении их зависимости от языка. Нет никаких слов логически необходимых, что бы рассматривать и использовать объект как отвертку, потому что эта функция предмет грубой физической структуры. Но в случае статус - функций, нет никаких структурных свойств X элемента, достаточных для определения функции Y. Физически X и Y одно и то же. Единственное различие - то, что мы наложили статус на X элемент, и этот новый статус нуждается в обозначении, потому что, эмпирически говоря, за ним ничего нет. Так как уровень Y в перемещении от X к Y в создании институциональных фактов не существует отдельно от своей репрезентации, нам нужно как-то его представить. Но нет никакого естественного до лингвистического способа представить его, потому что Y элемент не имеет никаких естественных до лингвистических свойств в дополнение к X элементу, которые бы позволяли представить его. Так что мы должны иметь слова или другие символические средства, чтобы выполнить сдвиг от X до Y состояния.

Для прояснения этого пункта важно обратить внимание на *деонтический* статус институциональных явлений. Животные, гуляющие в стае, могут проявлять коллективную интенциональность. Они могут даже иметь иерархию; они могут сотрудничать и совместно использовать продовольствие. Но они не могут иметь браки, собственность или деньги. Почему? Потому что все это создает институциональные формы власти, прав, обязательств и т.д. - такие характеристики, которые являются причинами действий, которые не зависят от наших личных желаний и намерений.

В этой главе я утверждал, что институциональные факты вообще требуют язык, потому что язык частично конструирует факты. Но позвольте обратить вопрос. Может ли какой-либо институциональный факт, которые не зависит от языка, быть подлинным фактом, удовлетворяющим формуле, X считать как Y, где Y термин налагает новый статус посредством коллективной интенциональности, но где рассматриваемая интенциональность - не зависит от языка? Но во всех случаях, когда институциональный факт удовлетворяет формуле считать X как У мы сталкиваемся с символизацией и, следовательно, с необходимостью использования языка

Например, если члены племени признают, что линия камней создает запрет на ее пересечение и они не пересекают ее, мы имеем символизацию. Камни теперь отображают в символической форме что-то вне себя; они функционируют подобно словам.

Нет четкого отличия между институциональным и не институциональным или лингвистическим и до лингвистическим, но в зависимости от степени в которой мы думаем, что явления - подлинные институциональные факты, а не просто формы привычного поведения, мы должны рассматривать язык как конструирующий их, потому что перемещение, которое налагает функцию Y на объект X – символическое перемещение.

3.4. Нужен ли языку язык?

Я сказал, что институциональные факты требуют языка, потому что язык конструирует факты. Но лингвистические факты - также институциональные факты. Так что получается, что язык требует языка. Не ведет ли это к бесконечному регрессу или кругу? Мы вышли из круга в определении институциональных понятий, например, "денег", расширив круг до других институциональных понятий. Как можно выти из этого круга?

Короткий, но плохо звучащий, ответ на этот вопрос - тот язык, не нуждается в языке, потому что это уже - язык. Теперь, позвольте мне объяснять, что это означает. Необходимость лингвистических маркеров для институциональных фактов означает необходимость некой конвенции для участников института, отражающей факт что X элемент теперь имеет Y статус. Так как в физическом строении X элемента нет ничего, что дает ему функцию Y, так как статус существует только в соответствии с коллективным соглашением и так как статус дает деонтические свойства, которые не являются физическими, статус не может существовать без маркера. Эти маркеры теперь частично конструирует статус.

Нет ничего в физических отношениях между мной и частью земли, которая является моей собственностью. Нет ничего в химическом составе бумаги, которая делает ее двадцатью долларами. Нет ничего в физике ситуации, которая делает это очевидным. И это не эпистемиологический, но онтологический пункт. Таким образом мы должны иметь некоторый символический аппарат для обозначения этих институциональных фактов. Но что же сам символический аппарат? Что делает его символическим? Если правда, что нет ничего в физической структуре бумаги, что делает ее пятью долларами, ничего в физической структуре части земли, что делает ее моей собственностью, то правда и то, что нет ничего в акустике звуков, которые выходят из моего рта или физической структуре пометок, которые я делаю на бумаге, что делает их словами или другого рода символами.

Решение для нашей проблемы состоит в том, что язык развился как самоидентифицирующаяся категория институциональных фактов. Ребенок растет в культуре, где он обучается, рассматривать звуки, выходящие из его рта и ртов других, как символизирующие, означающие или представляющие что-либо. И это - то, о чем я сказал: язык не требует язык, чтобы быть языком, потому что он уже - язык. Но почему все институциональные факты не могут быть как и язык самоидентифицирующимися? Почему ребенок не может сразу оценивать, что это частная собственность или это деньги? Ответ может. Но в той степени, в которой он это делает, он рассматривает объект как символизирующий что-то вне себя; он рассматривает его по крайней мере частично лингвистически.

Перемещение от грубого к институциональному состоянию – само по себе лингвистическое перемещение, потому что X термин теперь отображает в символической форме что-то вне себя. Но это символическое перемещение требует мыслей. Чтобы обладать мыслью, которая создает перемещение от X термина до Y статуса, должен быть носитель мысли. Нам нужно что-то для мышления. Физические особенности X термина недостаточны для содержания мысли, но любой объект, который может конвенционально использоваться как носитель этого содержания может использоваться для создания мыслей. Лучше всего подходят для этого слова, потому что они для этого и предназначены. Но строго говоря, любой стандартный маркер будет делать это. Просто думать в словах, но гораздо труднее думать в людях, горах, и т.д., потому что они имеют слишком много лишних свойств и они слишком непредставимы. Мы используем реальные слова, но можем использовать и словоподобные маркеры как носители мысли.

Мы можем рассматривать объект X непосредственно как обладающий Y состоянием в соответствии с соглашением, как мы можем рассматривать монеты как деньги или линию камней как границу, но делать это уже назначать лингвистический статус, потому что объекты теперь - стандартные общие символы чего-то вне себя; они символизируют в донтической форме статусы, выходящие за физических свойств. И все случаи, где X термин таким образом, само-идентифицируется, имеют существенные для слов свойства: применимость отличия типов и экземпляров, X элементы легко распознаются, о них легко думать и мы видим их как символизирующие статус Y в соответствии с соглашением.

Перемещение от X до Y лингвистическое по природе, потому что, как только на X элемент накладывается функция, он теперь символизирует что-то другое, функцию Y. Это перемещение может существовать только, если оно коллективно представляется как существующее. Коллективное представление носит всеобщий и конвенциальный характер и для него нужен некоторый носитель. Отображение свойств X элемента не делает этого. Так что нам необходимы слова, типа "денег", "собственности", и т.д., или слово-подобные символы или, в крайнем случае, мы рассматриваем сам X элемент как стандартную репрезентацию функции Y. Для того что бы выполнять эту функцию, они должны быть или словами или символами, чтобы быть как репрезентацией функции Y и так репрезентацией перемещения от X до Y.

Этот пункт имеет следствие: способность присоединить смысл, символическую функцию к объекту, которому этот смысл не присущ по природе - предварительное условие не только языка, но всей институциональной действительности. Способность, отображать в символической форме - условие возможности создания всех человеческих институтов.

Обычно "символические" отношения требуют существования некоторого объекта, который существует независимо от символа, который его символизирует, но в случае институциональной действительности на самом низком уровне, практика приложения смысла к объекту согласно конструктивным правилам создает категорию потенциальных референтов. Символы не создают котов и собак; они создают только возможность представления котов, собак общественно доступным способом. Но символизация создает истинно онтологические категории денег, собственности, также как категорию слов, и речевых действий.

3.5. Другие функции языка в институциональных фактах.

Помимо вышеперечисленных есть и некоторые другие причины, по которым институциональные факты требуют языка.

Во первых, язык эпистемиологически необходим.

В структуре институциональных фактов мы налагаем Y статус - функцию на X термин, который не выполняет ее исключительно благодаря его физической конституции. Но теперь, как - мы, чтобы сообщить какой объект имеет эту статус-функцию? Для многих причинных агентивных функций приемлемо просто сообщить, какой объект стул, стол и отвертка, потому что мы можем вывести функцию из физической структуры. Но когда мы сталкиваемся с деньгами, профессорами и недвижимостью, мы не можем вывести функцию или статус из физических свойств. Нам нужны лэйбы. Чтобы мы могли рассматривать бумагу как деньги, например, мы должны иметь некоторый лингвистический или символический путь представления недавно созданных фактов относительно функций, потому что они не выводиться непосредственно из физических свойств объектов. Распознавание

факта, что это деньги, требует, чтобы он был лингвистически или символически представлен.

Во-вторых, рассматриваемые факты, являющийся неотъемлемо социальными, должны быть предаваемыми.

Если система функционирует, то недавно созданные факты должны предаваться от одного человека к другому, если это не видно невооруженным глазом. Вы должны быть способны сообщить людям, что Вы женаты, что Вы - председатель, что встреча отложена, если система функционирует. Даже в простых случаях институциональных фактов, этот передача требует средств общей связи, языка.

Третье, в реальной жизни рассматриваемые явления являются чрезвычайно сложными и представление такой сложной информации требует языка.

Даже наиболее очевидно простое действие покупки и продажи имеет большую сложность. Так как структура факта существует только в зависимости от его представления, сложные факты требуют сложной системы представления для их существования; и такая сложная система представления - язык.

В четвертых, рассматриваемые факты сохраняются независимо от продолжительности убеждений и склонностей участников института.

Непрерывное существование требует средств представления фактов независимых от примитивных до лингвистических состояний участников и это представление лингвистическое.

4. Общая теория институциональных фактов.

Часть 1: Итерация, интеракция и логическая структура.

4.1 Обобщенный анализ.

В предыдущих главах был дан предварительный анализ институциональных фактов, используя пример денег и подчеркивая особую роль языка в институциональной действительности. Далее Серль предлагает использовать инструментальные средства, которые позволяют рассматривать структуру не только денег, но также брака, собственности, войн, революций, партий, парламентов, корпораций, законов, ресторанов, каникул, адвокатов, профессоров, докторов, средневековых рыцарей и налогов, например. Но что бы обобщить описание нужно добавить по крайней мере два базисных пункта к материалу более ранних глав:

Во первых, структура "X считать как Y в C" может выполняться с помощью итераций.

Мы можем наложить статус - функцию на объекты, на которые она уже наложена. В таких случаях X на более высоком уровне может быть Y термином более нижнего уровня. Например, только гражданин Соединенных Штатов (X) может стать Президентом (Y), но быть гражданином значит обладать статус – функцией Y более нижнего уровня. И мы можем наложить статус - функцию в том случае, когда термин C определяет контекст, который требует предварительно наложенной статус -функции. В таком случае термин C на более высоком уровне может быть термином Y более низкого уровня. Например, церемония брака требует присутствия церемониймейстера (контекст C), но быть церемониймейстером может тот, кто предварительно приобретал статус-функцию Y. Кроме того, мы можем

наложить статус - функцию на объект, предварительно наложенная статус - функция которого была репрезентацией чего-либо, то есть, мы можем наложить ее на речевые действия. Например, некоторый вид обещания X можно рассматривать как контракт Y, но быть обещанием уже обладать статус -функцией Y более низкого уровня. Не будет преувеличением сказать, что такие итерации (повторения) обеспечивают логическую структуру сложных обществ.

Во-вторых, через некоторое время может происходить смыкание таких итерированных структур.

Структуры итерированных статус-функций существуют не только в какие-то моменты. Функции, которые они выполняют, требуют, чтобы они взаимодействовали друг с другом постоянно. Если Вы, например, гражданин США, то вы не просто имеете *деньги*, скорее они лежат на *счете в банке* и вы платите *налоги штату* и *федеральным властям*, как *гражданин Соединенных Штатов* и *житель* конкретного штата. Все фразы, выделенные курсивом, выражают институциональные понятия и эти институты взаимодействуют с друг другом постоянно.

Для дальнейшего анализа давайте рассмотрим пример брака и собственности. Корни таких институтов лежат в явных физических и интенциональных фактах, таких как совместное проживание и физическое владение, соответственно. Собственность начинается с идеи, что я получил это, это мое. Брак начинается с людей, просто живущих друг с другом и в случае моногамного брака, имеющих сексуальную монополию на друг друга. Почему мы не согласны с этим утверждением? Почему не достаточно владеть чем-то в смысле физического контроля над этим и почему не достаточно, что мы просто живем вместе? Для некоторых людей и возможно для некоторых простых обществ этого достаточно. Но многие из нас думают, что лучше если имеется система коллективно признанных прав, обязанностей, обязательств и полномочий, которые добавляются и в конечном итоге могут заменять грубое физическое владение и совместное проживание. Во-первых, мы можем иметь намного более устойчивую систему ожиданий, если мы добавляем этот деонтический аппарат; во-вторых, нам можно и не полагаться на грубую физическую силу, чтобы поддерживать эти соглашения; и в-третьих, мы можем поддерживать соглашение при отсутствии первоначальных физических условий. Например, люди могут оставаться в браке, даже если они не живут друг с другом и они могут обладать собственностью, даже если собственность далеко от них.

Плохо ли хорошо, но логически более примитивные соглашения развились в институциональные структуры с коллективно признанными статус - функциями. Как и в случае денег мы наложили посредством коллективной интенциональности, новые статус - функции на вещи, которые не могут выполнять эти функции без этого коллективного наложения. Однако, специфическая особенность этих случаев – это то, что часто функция накладывается посредством выполнения явных речевых действий. В таких случаях само речевое действие –образец статус - функции, наложенной на статус - функцию; и она используется, чтобы создать новую или изменить старую статус - функцию. Так, например, церемония брака состоит из ряда речевых действий, но в этом контексте они создают новый институциональный объект - брак. Существование брака налагает статус -функции на участников договора, отмеченных терминами "муж" и "жена". Чтобы приводить к такому результату речевые действия должны обладать статус - функциями, которые выходят за пределы непосредственного значения высказываний, которые уже сами статус -функции.

Позвольте исследовать этот пункт в случае брака более подробно. Следующий шаг в постепенном создании институциональных фактов из более примитивных

биологических явлений включает наложение статус-функций не только на объекты, которые физически несвязанны с выполнением функции, но также на объекты, которые уже имели функцию, наложенную на них, особенно на речевые действия. И эти речевые действия используются, чтобы наложить новую статус - функцию на объекты, которые не являются речевыми действиями, например, на людей. Таким образом, для этих случаев в формуле " X считать как Y в C," X элемент уже может быть речевым действием. Рассмотрим, например, речевые действия есть в церемонии брака. Выполнение таких-то и таких-то речевых действий (X термин) перед соответствующим официальным лицом (C термин) нужно считать браком (Y термин). Те же речевые действия в другом контексте, во время занятий сексом, например, не будут конституировать брак. Y термин теперь назначает новый статус этим речевым действиям. Обещания, сделанные во время свадебной церемонии, создают новый институциональный факт - брак, потому что в этом контексте, эти обещания считаются вступлением в брак. Кроме того, целое понятие "официальное лицо" определяет контекст C, который является результатом некоторого предыдущего наложения функции. Понятие официального лица - понятие институционального статуса, наложенного на некоторого человека согласно структуре X считать Y в C. В таком случае, присутствие официального лица - C термин в церемонии брака, но что он, или она – официальное лицо – результат более раннего наложения статус - функции. Таким образом, большое количество социальных институтов будет иметь иерархическую структуру создания. Таким образом, на примере брака: создание определенных шумов считается произнесением предложения на Английском языке, произнесение определенного предложения на Английском языке в определенных обстоятельствах считается обещанием, обещание в определенных обстоятельствах считается контрактом, определенного рода контракт считается браком. Церемония брака создает новый институциональный факт - брак, посредством наложения особой функции на набор речевых действий. Но создание брака налагает новый статус и, следовательно, новую функцию на людей. Они - теперь "муж" и "жена". И факт, что они являются мужем и женой, подобно самому браку, является институциональным фактом.

Но нас могут спросить: На что именно налагается статус - функция и чем именно является наложенная статус - функция? В случае языка и денег ответ относительно прост: для языка статус накладывается на определенные типы звуков; и хотя у языка много функций, главная - представление мира с помощью различных речевых действий. В случае денег статус обычно накладывается на кусочки металла и бумаги и функция - средство обмена, накопления и т.д. В случае брака ситуация немного сложнее. Статус первоначально накладывается на ряд речевых действий, которые составляют церемонию брака, но эти речевые действия сами функционируют так, чтобы создать новый институциональный факт, брак. Но сам брак налагает новые статус - функции на участников, статус - функции мужа и жены, что влечет за собой определенные права и обязательства. Такой паттерн, создание нового институционального факта обычно с помощью речевого действия, где само речевое действие налагает функцию на людей, здания, автомобили и т.д., является характеристикой большого количества социальных институтов. Собственность, гражданство, войны и парламент – все демонстрируют этот паттерн. Паттерн, резюмируя всё сказанное, является следующим: Мы создаем новый институциональный факт, например брак, используя объект (или объекты) с уже существующей статус - функцией, например высказывание, чье существование - самостоятельный институциональный факт, что бы произвести некоторое речевое действие, факт выполнение которого является уже другим институциональным фактом.

Позвольте применять эти выводы к примеру собственности. Как обычно мы должны различать институты и отдельные экземпляры, общую структуру "X считать как Y в C" и отдельные проявления этой структуры. Как было сказано ранее собственность начинается с чисто физического владения. В многих законодательных системах, но особенно в английской, вводится различие между реальной собственностью и личной собственностью. В многих странах только король может обладать землей. Из нескольких определяющих различий между реальной и личной собственностью одно является особенно интересным для нашего исследования: владение обычно совершенно по-другому манифестируется для реальной собственности, чем для личной собственности. Вы можете носить свою рубашку, управлять своим автомобилем, даже нести свой компьютер, но когда дело касается дома и земли установление Вашего владения требует индикаторов статуса.

Французское различие между "meuble (движимая)" и "immeuble (недвижимая)" точно показывает это различие. Движимая собственность часто также имеет индикаторы статуса, например, технический паспорт на машину и клеймо крупного рогатого скота. К ценные произведениям искусства так же могут прилагать определенные сертификаты. Индикаторы статуса в этих случаях связаны с высокой ценностью собственности (в случае произведений искусства) или с тем, что собственность может далеко перемещаться (в случае скота и автомобилей). В любом случае трудно представить систему сложного реального монопольного использования собственности без документации.

На основе грубого физического владения материальными объектами, включая землю, мы формируем структуру покупки, продажи, завещаний и т.д., собственности. Характерный аппарат, используемый для этого - речевые действия: дела, счета, регистрации, завещания и т.д., все это примеры статус - функций, наложенных на речевые действия. И, конечно, первоначальные речевые действия - уже случаи наложенных статус -функций.

Если общество имеет институт собственности, новые права на собственность обычно создаются речевыми действиями того плана, что вы даете что-то кому – то, или речевыми действиями, сопровождаемыми другими видами действий, например когда вы обмениваете собственность на деньги.

Предположим, вы даете часы своему сыну. Вы можете делать это, говоря, "Это твое," "Ты можешь владеть ими." Так вы накладываете новую статус-функцию на эти речевые действия, а именно передачи собственности. Эти речевые действия в свою очередь налагают новую статус -функцию на часы, а именно принадлежности сыну.

Институциональные структуры дают возможность заменить грубое физическое владение в случае собственности или просто физическую близость в случае брака на признанный ряд отношений, посредством которых люди могут состоять в браке, даже если они не живут друг с другом и могут владеть собственность, даже если собственность далеко из них. Чтобы достигнуть такого положения вещей, мы должны иметь то, что Серль называет *индикаторами статуса*. Подобно тому как бумажные удостоверения, замещавшие золото, были индикаторами статуса для ценности, так и мы имеем признанную систему легально принятых прав брака и прав собственности. И мы имеем индикаторы статуса в форме брачных свидетельств, свадебных колец и т.д.. Даже, когда вы далеко от дома или жены, институциональные структуры позволяют вам оставаться владельцем или мужем, и, если надо, показывать эту позицию другим с помощью индикаторов статуса. В таких случаях институциональный факт замещает явное физическое владение и близость, а индикатор делает институциональный факт явным.

На более сложном уровне чем деньги, брак, собственность и правительство ведет свои корни от ряда примитивных биологических явлений, от тенденции большинства примитивных социальных групп формировать иерархию статусов, от тенденции животных подчиняться другим животным и, в некоторых случаях, от грубой физической силы, которую некоторые животные могут проявлять по отношению к другим.

Сложные структуры, которые затем установились - гражданства, права, обязанности, выборы, импичменты, развивались как институциональные структуры посредством коллективного наложения статус-функций поверх более примитивных отношений.

Есть шкала на одном конце которой свобода на другом необходимость, произвольность и обусловленность выбора отдельных предметов для статус - функций. Наибольшую произвольность имеют деньги. Любая вещь может служить деньгами, если только она удовлетворяет условиям некоторой долговечности, помещается в руках, легко переносится, плохо подделывается, хорошо узнается. На другом конце – наибольшей необходимости находится стандартный метр, охраняемый Французским правительством. В силу специфичности случая выбор вещей, на которые может накладываться эта статус - функция, крайне ограничен. Не только любой старый объект, но даже любой старый объект длинной с метр, не может служить этой функции. В промежуточном диапазоне, например, обещания, сделанные в церемонии брака или в рыцарских клятвах в Средневековье. Они не настолько произвольно связаны с новыми функциями брака и рыцарства, как бумага с функцией денег; но в то же самое время они не предмет необходимости. Можно представить всякого рода способы заключения брака или становления рыцарем. И из-за возможности различных вариантов связи между условиями, определяемыми X термином и функцией, определяемой Y термином, культуры отличаются в стандартах, которые они требуют для реализации одинаковых или подобных функций.

Разветвление наложения статус - функций на X и Y компоненты имеет некоторые важные следствия для нашего исследования. Во-первых, выражения статус допускают два определения, одно в терминах установления (X термин) и одно в терминах наложенной агентивной функции (Y термин). Таким образом валюта может быть определена в терминах происхождения и структуры: некоторые виды бумаги, выданной Казначейством США (X термин), американская валюта. Но валюта может также быть частично определена, и это действительно написано на американской купюре, как "допустимое средство всех расчетов, общих и частных" (Y термин).

.

4.2. Кодификация.

Тест на подлинность институционального факта – можем или нет мы точно *кодифицировать* правила. Для многих институциональных фактов: собственности, брака и денег, они действительно кодифицируются в явные законы. Другие, типа дружбы, свиданий и вечеринок, так явно не кодифицируются. Такие институциональные паттерны могут кодифицироваться, если имеет важное значение была ли это вечеринка или только чаепитие. Если права и обязанности дружбы внезапно стали предметом некоторого серьезного или морального вопроса, мы можем представить, что этот неофициальный институт явно кодифицируется, хотя ко-

нечно, за явную кодификацию нужно платить. Это лишает нас гибкости, спонтанности и непринужденности, которую имеют не кодифицируемые вещи.

Ясно, что нет четкой границы между социальными фактами вообще и специальным подклассом институциональных фактов. В нашем обществе "пойти на прогулку с кем -то" - социальный факт, но не институциональный, потому что название не назначает никакой новой статус -функции. Оно только дает название интенциональности и ее проявлениям. Характеристикой институционального движения, однако, являются такие формы коллективной интенциональности, которые состоят из принятия, распознавания и т.д. одного явления как явление более высокого рода, посредством наложения коллективного статуса и соответствующей функции. Функция всегда внутренне связана с статусом, в смысле, что статус не был бы этим статусом, если бы не выполнял эту функцию. Критерий всегда следующий: влечет ли за собой назначение слова назначение некоторых новых функций, например, в форме прав и обязанностей, которые могут выполняться только, если есть коллективное принятие функции? В соответствии с этим критерием, "муж", "лидер" и "преподаватель" все именуют статус - функции; но "пьяный", "тупица", "интеллигент" и "знаменитость" нет. И здесь, как уже говорилось, нет четкой границы.

Для пояснение этого приведем пример войны, война как социальный факт может иметь различные корни и проявления, но как институциональный факт она должна быть легально объявлена, конгрессом и президентом, то есть она должна определенным образом кодифицироваться. "Война" колеблется между крупномасштабным социальным фактом и институциональным фактом. Что бы провести различие нужно проверить используется ли термин "война", чтобы дать название существующему ряду отношений или он подразумевает дальнейшие последствия, которые происходят если данному событию придается статус "войны". Это связано с началом войны. Война как социальный факт может существовать независимо от того, как она началась, но по Конституции США война как институциональный факт существует только, если она объявлена в соответствии с постановлением конгресса.

4.3. Некоторые проблемы анализа.

В этой главе мы ставим один из самых трудных вопросов. Какова логическая структура создания институциональных фактов? Соотносится с этим вопросом другой вопрос, какого рода факты мы можем создать просто в соответствии с коллективным соглашением считать X как имеющий статус Y? И каковы возможности и ограничения институциональных фактов? Так как целые системы работают только благодаря коллективному принятию, очевидно, что они очень хрупкие и могут рухнуть в любой момент. Однако. институциональная структура общества имеет именно такую форму, так что мы должны выяснить ее возможности и ограничения.

Задача данной главы описать логическую структуру организованного общества, но здесь возникает одна проблема. Как может "организованное общество" иметь "логическую структуру"? В конце концов, общество - не ряд суждений или теория, как можно говорить о логической структуре? Но социальная и институциональная действительность содержит представления, причем не только умственные, но и лингвистические представления, как конструирующие элементы. Эти представления обладают логической структурой. Задача главы – найти наиболее фундаментальные из этих логических структур.

Почему логический анализ оказывается под угрозой? Так как. соблазнительно думать, что такие институциональные структуры как собственность и само государство поддерживаются полицейской и военной мощью государство и что их принятие будет вынуждено и необходимо. Но власть полиции пригодна для использования против очень маленького числа людей, это было очень хорошо видно на примере волнений в Лос-Анджелесе 1992 года, когда полиция ничего не могла сделать с бунтовщиками и часто принимала функцию наблюдателей. Это видно на примере падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы и СССР.

И важный пункт для нашего обсуждения - то, что мы не можем допустить, что система принятия поддерживается силой. Система силы – сама по себе система принятия. Полиция и армия, например, являются системами статус - функций. Но более важно для наших насущных целей то, что система силы предполагает другие системы статус -функций. Сомнительно, что всесильное государство придет на помощь в трудную минуту; напротив это наше природное состояние и это природное состояние – то что люди принимают систему конструктивных правил, по крайней мере почти все время.

Сомнительно, что единичная мотивация подходит для непрерывного подтверждения институциональных фактов. Соблазнительно думать, что должна быть некоторая рациональная основа для такого подтверждения, что участники получают некоторое готовое теоретическое преимущество или преуспевают на более высоком уровне, но замечательная особенность институциональных структур - то, что люди продолжают подтверждать их и сотрудничать в многих из них даже, когда они не получают никакой выгоды от этого.

Вообще статус - функции – это предмет власти, что мы увидим позже. Структура институциональных фактов - структура отношений власти, включая негативные и позитивные, условные и категоричные, коллективные и индивидуальные полномочия. В нашей интеллектуальной традиции начиная с Просвещения вся идея власти сильно раздражает определенный тип либералов. Определенный класс интеллигенции очень хотел бы что бы этой власти не было вообще (и если уж она должна существовать, то было бы лучше если бы их любимое угнетенное меньшинство имело ее большую часть). Один из уроков, который получен из изучения институциональных фактов то, что все, что мы ценим в цивилизации, требует создания и поддержания институциональной власти через коллективно наложенные статус - функции. Они требуют текущего контроля и корректировки, чтобы создавать и сохранять справедливость, эффективность, гибкость и креативность, не говоря уже о таких традиционных ценностях как законность, свобода и достоинство. Но институциональная власть повсеместна и необходима. Институциональная власть массивная, повсеместная и обычно невидимая, проникает в каждый уголок нашей социальной жизни и она не угроза либеральным ценностям, но скорее предварительное условие их существования.

4.4. Некоторые типы наложения статус - функций.

Чтобы исследовать логическую структуру институциональной действительности, сначала нужно спросить: какие виды новых фактов, новых полномочий, новых причин люди могут создавать, создавая статус - функции, когда статус - функции существует только, потому что люди верят, что они существуют?

Что касается физических функций, то ограничения связаны только с их явными физическими возможностями. История технологии - история того, как знание и ор-

ганизованное желание использовало технические возможности. Но когда мы сталкиваемся с институциональными фактами, усовершенствование технологии не изменяет возможностей. Мы не можем создать электрический ток, только решив считать что-то электрическим током, но мы можем создать институт Президентства, только решив. кого мы будем считать соответствующим Президенту и затем делая Президентами тех людей, которые отвечают условиям, на которых мы остановились. Интенциональность относительно заменимости предложения "X считать как Y в C" ключ к истинной интенциональности явлений. Так как ни X термин, ни Y термин нельзя заменить кореферентными выражениями без потери или изменения истинного значения всего утверждения, у нас есть сильные основания предположить, что выражение "считать как " определяет форму интенциональности. Возможность создания институциональных фактов с помощью этой формулы ограничена возможностью наложения новых свойств на объекты только посредством коллективного соглашения, что они имеют эти свойства. Наш вопрос теперь, какие формы и ограничения институционального наложения функций?

На первый взгляд институциональные факты кажутся крайне разнообразными. Посредством институциональных фактов мы можем делать обещания, считать голы, становиться Президентами, оплачивать счета и нанимать. Но внутри этого огромного разнообразия объектов можно выделить на самом деле всего несколько общих формальных свойств институциональных фактов.

Так как создание институциональных фактов - вопрос наложения статуса и с ним функции на некоторый объект, который еще не имеет этой статус - функции, то вообще создание статус -функции – предмет предоставления некоторых новых возможностей. Мы бы не достигли требуемого результата, накладывая статус-функцию, именуемую Y термином, если бы это не давало некоторые новые возможности X термину и в большинстве случаев (хотя и не во всех) создание институциональных фактов есть именно предоставление возможностей X термину или выполнение некоторых истинных функциональных операций, таких как аннулирование и создание условий для создания возможностей. В самом простом случае Y термин дает название возможности, которую X термин не имеет исключительно благодаря своей структуре. В случаях, где X термин - человек, этот человек приобретает возможности, которые он или она еще не имели. В случае, где X термин - объект, пользователь этого объекта может делать с ним то, что он или она не могли бы делать исключительно благодаря структуре X. Таким образом деньги, паспорта, водительские удостоверения и языковые конструкции дают возможность предъявителю или пользователю делать то, что он или она иначе не могли бы делать, например покупки, международные поездки, законное управление автомобилем и выполнение речевых действий. В этих случаях принятие Y статуса включает некоторую форму создания возможностей таких как разрешение, принятие, пригодность и т.д. Другие случаи, как мы поймем, включают определенные логические (Булевы) функции в эти формы возможностей, например, аннулирование или создание условий.

Таким образом, вопрос, сколько типов институциональных фактов может существовать, сводится в значительной степени к вопросу, какие возможности мы можем создавать только в соответствии с коллективным соглашением? Явные физические возможности не связаны с коллективным соглашением. Мы не можем увеличить наш вес или силу рук в соответствии с коллективным соглашением. Но мы можем увеличивать богатство или даже создать возможность жизни и смерти в соответствии с коллективным соглашением. В общем ответ должен быть следующим: Мы можем с этим механизмом создавать только те формы возможностей (власти), где коллективное распознавание или принятие возможностей (вла-

сти) конструирует их наличие. Если это и есть формальная структура этого механизма, то пред нами автоматически встают две проблемы. Во - первых, этот механизм не накладывает никаких ограничений на объекты, таким образом огромное количество институциональных реалий, от жен до войн, и от вечеринок до Конгресса, должны казаться менее проблематичными. Во-вторых, механизм, описанный таким образом, не требует, чтобы участники осознавали, что на самом деле происходит. Они могут думать, что человек является Королем только потому, что он – помазанник Божий, но до тех пор пока они продолжают признавать его власть, он имеет статус - функцию короля независимо от любых неправильных убеждений, которых люди могут придерживаться.

Имеется интересный класс исключений из утверждения, что все институциональные факты включают возможность. Некоторые институциональные факты включают чистый статус без дальнейшей функции. Это те случаи, когда статус чисто почётное наименование. Если у Вас есть ордена, почетная степень, вы самый популярный человек в вашем классе или мисс Графства Аламеда, никакие права или полномочия не связанны с этими позициями. Это чисто наименования.

Следующий вопрос сколько типов "Y" может быть в формуле "X считать как Y в C"? Так как институциональные факты структурированы коллективной интенциональностью и так как имеются строгие ограничения на возможность создания институциональных фактов, мы должны дать ответ на этот вопрос. Давайте начнем наивно, с перечисления некоторых формальных свойств институциональной действительности.

Y статус может накладываться на несколько онтологически различных категорий явлений: Люди (например, председатели, жены, священники, профессора); объекты (например, речевые конструкции, доллары, удостоверения, права на вождения); и события (выборы, свадьбы, вечеринки, войны, голы). Люди, объекты и события взаимодействуют в систематических связях (например, правительствах, браках, корпорациях, университетах, армиях, церкви). Часто Y статус накладывается на людей и группы благодаря ряду предвосхищающих до институциональных отношений среди них. Таким образом совокупность людей может составлять город, государство, или мужчина и женщина могут составлять брачную пару, но такое установление происходит не просто потому что вместе собираются люди определенного рода, а скорее благодаря отношениям среди членов совокупности.

Какими свойствами обладают объекты, события и люди, которые налагаются новыми статус - функциями? Первое предположение - то, что категория людей, включая группы, является основной в том смысле, что наложение статус - функций на объекты и события работает только относительно людей. Этот факт не должен удивлять, так как он – общее свойство агентивных функций. Мы рассматриваем не пять долларов самих по себе, а скорее их владельца, который имеет теперь некоторые возможности, которые он или она иначе не имел бы.

Можно предположить, что содержание коллективной интенциональности в наложении статус - функции обычно состоит в том, что *некоторый человеческий субъект,* единственный или множественный, обладает некоторой возможностью, положительной или отрицательной, условной или категоричной. Здесь можно выделить два вида случаев: прямой (непосредственный) случай, когда статус накладывается на агента, например, Джонс - президент и косвенный случай, когда статус накладывается на объект, например, это - пять долларов.

Если мы посмотрим на институциональные факты имея в иду все выше изложенное, видимо статус - функции попадают в некоторые широкие категории. Первым шагом их при классификации, которую мы позже усовершенствуем, будет

временно разделить их на четыре широких категории, которые называются символическими, деонтическими, почетными и процедурными.

1. Символическая власть: Создание смысла.

Наличие символической власти позволяет нам представлять действительность с помощью речи или неречевых моделей. В таких случаях мы налагаем интенциональность на объекты, которые по своей природе не интенциональны. И процесс этого создает язык и смысл во всех его формах. Наложение интенциональности на некоторого рода физические структуры определяет как формальную структуру - синтаксис, так и значимое содержание - семантика. Таким образом, например, фонетически/граматический тип "Il pleut " считается предложением Французкого, и "Es regnet" считается предложением Немцкого. На физические звуки и метки мы налагаем статус слова, предложения и в целом синтаксиса. Но на различные синтаксические объекты налагается одинаковое семантическое содержание, оба предложения означают "Идет дождь." Символизация необходима для других форм наложения институциональных функций. Мы не можем наложить права, обязательства, и т.д., без слов или символов.

2. Деонтическая власть: Создание Прав и Обязанностей.

Деонтическая власть должна регулировать отношения между людьми. В этой категории мы налагаем права, обязанности, обязательства, привилегии, полномочия, штрафы, разрешения и другие деонтические феномены. Что качается нашего более раннего предположения, что вообще Y статус дает (или отрицает) возможности (власть), то здесь можно выдвинуть очевидную гипотезу, что есть две широкие категории таких статус - функций. Первая - где агент обеспечен некоторой новой возможностью, свидетельством, разрешением, правом, разрешением или квалификацией, предоставляющей способность делать что-то, что он, или она не могла бы иначе делать; и вторая - где агент обязывается, заставляется или как-то иначе вынужден делать то, что он, или иначе не стали бы делать - или, что относится к этой же категории, ему препятствуют делать что-то, что было бы иначе выполнимо. Грубо говоря, две основных категории – это *положительные* и *отрицательные* возможности. Оба вида деонтических статус -функций предмет *конвенциональной власти*. Эта терминология позволит нам отличить конвенциональную власть от грубой физической власти, даже при том, что конечно они часто идут бок о бок; потому что часто факт предоставления конвенциональной власти должен разрешить использование грубой физической власти. Полицейская власть - очевидный пример.

Если мы вспомним, что первичная цель нашего анализа не социальные объекты, типа денег, правительств и университетов, но агенты, чья деятельность связана с этими объектами, то очередное разделение в классификации институциональной действительности – разделение между тем, что агент может делать и что агент должен (и не должен) делать, между тем, что агенту позволяют делать и что от него или ее требуется делать в результате назначения статуса, назначенного в термине Y.

3. Почет: Статус ради статуса.

Почести (и позор) означает наличие статуса ценного скорее самого по себе, чем в связи с его последствиями.

Приведем некоторые примеры:

Марк выиграл чемпионат по лыжам.

МкКати получил вотум недоверия США.

Билл был награжден медалью Колледжа de France.

В дополнение к этим трем категориям статус- функций, мы должны также идентифицировать условные или процедурные свойства деонтической власти и почестей.

4. Процедурные шаги на пути к власти и почестям.

В пределах институтов мы можем назначать процедурные шаги для достижения прав и обязанностей, или почестей и позора. Имеются некоторые примеры:

Население проголосовало за Рейгана.

Клинтон выдвинут как кандидат в президенты от Демократической партии.

Возражение было поддержано судьей.

В случае голосования, хотя каждый имеет право голосовать, фактически, сам по себе каждый голос не создает никаких новых прав и обязанностей. Только определенное количество голосов устанавливает победителя и его новые права и обязанности. Получение шести голосов - подобно получению шести голов в футбольной игре, но отличается от получения шести долларов. Шесть голосов и шесть голов – практические шаги на пути к победе, но Вы не можете делать с ним что-либо еще. За шесть долларов Вы можете что-то купить. Когда назначается кандидат в Президенты, он или она приобретает новые права и обязанности как кандидат, но большинство кандидатов, видимо, полагают, что это один из шагов на пути к Президенту.

Один и тот же институциональный факт может включать все четыре свойства. Таким образом статус кандидата дает человеку некоторые права и обязанности, это - большая честь и это – процедурный шаг на пути к Президенту и этот факт не мог бы существовать без слов или других видов символов.

Что бы проиллюстрировать эти пункты давайте рассмотрим пример игр. Большинство правил игры должно состоять из определенных прав и обязанностей (пункт 2), но конечная цель победа (пункт 3) и многие из шагов носят практический характер (пункт 4). Например, некоторые права и обязанности условны. Таким образом, если разбивающий получает один штраф или три шара, это не дает ему пока никаких дальнейших прав или обязанностей, но это устанавливает условные права и обязательства: еще два штрафа и он выйдет, еще один шар и он идет на первую базу. Такие условные права и обязанности типичны для институциональных структур. Например, в Американских университетах после нескольких лет работы вас могут назначить на постоянную штатную должность.

4.5. Логическая структура конвенциональной власти.

Что бы дальше исследовать предварительную таксономию предыдущих параграфов нужно исследовать интенциональную структуру институциональных фактов. Цель данного параграфа состоит в том, чтобы пробовать выявить общую форму содержания статус -функции Y, когда мы идем от X к Y в формуле "X считать как Y в C." Так как содержание Y накладывается на X элемент коллективным принятием, должно быть некоторое содержание этого коллективного принятия (признания, убеждения и т.д.); и, по мнению Серля, для большинства случаев содержание имеет отношение к некоторого рода конвенциональной власти, предмет которой связан с некоторым типом действия или направлением действий. Кроме того, так как есть строгие пределы того, какие виды возможностей могут быть созданы коллективным принятием, мы можем вывести общие формы содержания

термина Y в очень небольшом числе формул. Так как возможности– это всегда право на что-то или определенные ограничения, препозиционное содержание возможностей статус-функций всегда включает (S делает A) где "S" может быть заменен выражением, отражающим отдельного индивидуума или группу и "A" названием действия или деятельности, включая запреты на нее.

Следуя этой мысли, мы видим, что примитивная структура наложения на термин X коллективной интенциональности, где X считается как Y в C, будет:

Мы принимаем, что (S имеет возможность (S, делает A)).

Как упомянуто ранее, есть различия между положительными и отрицательными конвенциональными возможностями, различие между разрешениями и требованиями. Есть также различие между созданием и разрушением конвенциональных возможностей.

Позвольте нам начинать исследование этих формальных действий, исследуя два основных способа разрешений и требований, которые можно представить как:

Мы принимаем, что (S, разрешается (S, делает A)).

Мы принимаем, что (от S, требуется (S, делает A)).

В случае разрешения мы коллективно предоставляем возможности некоторому индивидууму или группе; в случае требований мы коллективно ограничиваем возможности некоторого индивидуума или группы.

Если мы соединим все эти элементы вместе, то форма типичных разрешающих конвенциональных возможностей, например, "X, эти кусочки бумаги, считать как Y, пять долларов" состояла была бы частично из:

Мы принимаем, что (S, предъявителю X, разрешается (S, покупает на X ценности на сумму до пяти долларов)).

В случае отрицательных возможностей, то есть, требований, например, " X, эти кусочки бумаги, считать как Y, плата за парковку", лежащая в основе форма коллективной интенциональность состояла бы частично из

Мы принимаем что, (от S, человека который владеет X, требуется (S, платит штраф)).

Здесь мы описали форму устойчивых институциональных фактов, где, например, мы уже имеем пять долларов или плату за парковку. Но эти конвенциональные возможности сами по себе могут создаваться или разрушаться. И действия создания и разрушения могут быть осуществлением конвенциональных возможностей, например, брак и развод; или они могут просто развиваться, как, например, когда группа может постепенно прийти к тому, чтобы принять кого - то как лидера без формальных выборов или назначения. В случаях, где действие пример явного создания или разрушения конвенциональной власти, само оно обычно выполнение другой конвенциональной власти, власти создавать или уничтожать таким образом. Предположим, обычная организация, наделенная определенными полномочиями, например ГАИ, дает водительские удостоверения S. Какая будет форма коллективной интенциональности? Мы должны различать интенциональность организации от интенциональности общества, которое прежде всего отвечает за работу всей системы. С точки зрения общества, форма создания институциональной власти будет следующей

Мы принимаем, что (организация создает (S, разрешается (S может водить автомобиль))).

Когда конвенциональная власть разрушается, видимо, отрицание работает на коллективном принятии, а не на содержании того принятия. Таким образом, например, если брак между S1 и S2 расторгается, следствием этого будет

Мы больше не принимаем, (что S1 и S2 состоят в браке).

Соблазнительно думать можно определить всю конвенциональную власть в одной формуле и формуле для отрицания. Успехи, которые мы имеем в других областях логики, усиливают этот соблазн. Таким образом в *алетической модальной* логике

$$\Box(p) \text{ iff} \sim\Diamond(\sim p)$$

(p необходимо тогда и только тогда , когда не возможно не p)

В логике *предикатов*:

$$\forall x(fx) \text{ iff} \sim\exists x(\sim fx)$$

(Каждый X, обладает свойством f тогда и только тогда, когда нет x, который не обладает свойством f)

И в деонтической логике:

$$O(p) \text{ iff} \sim P(\sim p)$$

(Обязательно, чтобы p, если не разрешено, что не p.)

Так почему параллельных структур нет в "институциональной" логике? Почему S может делать А тогда и только тогда, когда это не тот случай, что от S требуется не делать А?

На первый взгляд параллелизм не работает, потому что отсутствие требования не делать что-либо само по себе не конструирует институциональную возможность делать это. В классической деонтической логике отсутствие необходимости не делать что-либо эквивалентно разрешению делать это; но для обычной власти нет столь очевидной эквивалентности, потому что есть большое количество вещей, которые не требуется не делать (то есть, они не запрещены), но вам институционально не разрешено делать их. Например, институционально не разрешено встать, обойти комнату и ударить вас по носу, даже при том, что это нет требования не делать эти вещи.

Однако, если мы подумаем об этом глубже мы увидим, что параллелизм работает. Проблема – в пределах допустимого. Конвенциональная власть существует только тогда, когда есть некоторый акт или процесс создания, таким образом нам нужно рассматривать как институциональные разрешения так и требования, как несущие на себе ограничения в создании коллективной власти вообще и, таким образом, понять параллелизм между законами перестановок в модальной, деонтической логике и логике предикатов и институциональной логики. Таким образом:

S разрешается (S делает A) тогда и только тогда, когда от S не требуется (S не делает А), на самом деле означает, что мы создаем этот случай, благодаря коллективному принятию того, что (S разрешается (S, делает A)) тогда и только тогда, когда мы создаем этот случай благодаря коллективному принятию, что (от S не требуется (S не делает А)).

Например, если мы даем Президенту право накладывать вето на законы конгресса, мы не требуем от него не накладывать вето на такие законы. Или, например, когда у вас есть права на вождение, от вас не требуется не водить.

В природе конвенциальной власти есть неявная скрытая особенность: Она существует только тогда, когда где есть некоторый акт или процесс создания. Таким образом, простое отсутствие конвенциональной власти, отмеченной отрицанием -

не эквивалент присутствию некоторого другого вида конвенциональной власти, но мы можем все же определять оба способа конвенциональной власти в терминах одной власти плюс отрицание при условии, что оба понимаются как созданные в соответствии с формулой. Два основных способа конвенциональной власти, когда мы налагаем разрешение на агента и когда мы налагаем требование на агента и они могут быть определены в одинаковых терминах, плюс отрицание.

Кроме того, мы можем определить разрушение власти в терминах разрушения прежде существующей конвенциональной власти. Например, когда служащий уволен или суд предоставляет развод в каждом случае, прежде существующая конвенциональная власть разрушается посредством разрушения принятия. Таким образом "Вы уволены!" Является эквивалентном разрушения конвенциональной власти:

Мы разрушаем власть (Вы наняты) и это эквивалентно Мы больше не принимаем, что (S, имеет права и обязанности (S действует как служащий)).

Основной аргумент за то, что логическая структура разрушения конвенциональной власти является отрицанием коллективного принятия скорее, чем отрицанием содержания принятия - то, что оно не требует длительного поддержания статус- функции способом, с помощью которого конвенциональная власть обычно поддерживается. Таким образом брак требует непрерывного поддерживания способом, которым развод не требует.

Возникает вопрос, как теперь будет выглядеть предварительная классификация институциональных фактов (символические, деонтические, почетные и процедурные) в свете обсуждения логической структуры институциональной действительности? В данном случае все эти факты оказываются деонтическими. Сначала рассмотрим процедурные шаги. Все выше приведенные примеры, случаи шагов в итерированных деонтических и почетных статус - функциях. Таким образом, например, пометка на избирательном бюллетене считается голосом за определенного кандидата, а получение большинства голосов считается победой на выбора. Например, в бейсболе пропущенный мяч считается штрафом, а при получении трех штрафов игрок выходит из игры. В этих случаях процедурные статус - функции – являются условиями выполнения деонтических и когда все эти условия выполнены, результат еще один шаг в итерированной иерархии институциональной действительности. Так например, например, наличие одного штрафа имеет условный деонтический статус, его сила в том, что если вы приобретете еще два, то вы выйдите. Но то, что Вы получаете еще два штрафа и выходите, является новым деонтическая статусом, и таким образом перемещением вверх в иерархии институциональных фактов. Но если процедурные статус - функции редуцируются до условных деонтических и почетных статус - функций и объясняются в терминах итерации иерархии статус- функций, то нет никакого отдельного класса процедурных статус - функций.

Что касается почетных статус- функций, то лучше всего рассматривать их как ограниченный случай деонтических. Статус ценный сам по себе, а не ради власти, прилагающейся к нему, является случаем ограничения статус- функции. Почетный статус, в некотором смысле, регресс деонтического, потому что права и обязанности, которые обычно прилагаются к статус - функциям, сжимаются до того, что статус ценится или не ценится сам по себе.

Символическая власть - также неявно специальный случай деонтической, потому что создание конвенционального значения высказывания дает говорящему возможность выполнить речевое действие с помощью этого высказывания.

Но если оказывается, что все четыре категории - деонтические, то данный термин нам уже не нужен, потому что мы использовали его специально, чтобы показать отличия, которых мы больше не придерживаемся. Таким образом, с точки зрения логической структуры, мы не можем проводить данное разделение. Мы просто имеем создание и разрушение конвенциональных возможностей. Иногда эти возможности символические, иногда почетные, иногда отрицательные и иногда условные.

4.6. Заключение.

Наше обсуждение логической структуры институциональной действительности поддерживает следующую гипотезу: Есть по крайней мере одно примитивное логическое действие, которым институциональная действительность создается и составляется. Оно имеет форму:

Мы коллективно принимаем, подтверждаем, признаем, и т.д., это (S имеет власть (S делает А)).

Мы можем сократить эту формулу, как

Мы принимаем (S, имеет власть (S, делает А)).

Пусть это называется "лежащей в основе структурой." Другие случаи статус - функций - случаи, когда Булевы действия выполняются на основе этой структуры, или случаи, когда структура является частью системы таких повторяющихся структур, или случаи, когда "власть", назначенная структурой чисто почетная. Таким образом, например, требование, чтобы я платил налоги, определяется в терминах отрицания основной структуры.

Мы принимаем, что (от S, требуется (S платит налоги)) тогда и только тогда, когда мы принимаем, что (S не имеет власть (S платит налоги)).

Наличие одного штрафа в игре бейсбол - вопрос создания условий и повторения основной структуры.

Мы принимаем, что (S, имеет один штраф) тогда и только тогда, когда мы принимаем, что (если S имеет больше двух штрафов он выходит из игры).

И удовлетворение предшествующих условий автоматически поднимает структуру к более высокому уровню итерированных (повторяющихся) статус - функций, где конвенциональная власть становится декларацией.

Мы принимаем, что (S выходит из игры) тогда и только тогда, когда мы принимаем, что (от S требуется (S, оставляет поле))).

И правая часть редуцируется до основной структуры плюс отрицание,

Мы принимаем, что (S не имеет власть (S оставляет поле)).

Конечно логическая структура довольно упрощенная. Есть большое количество других свойств, имеющих отношение к игре в бейсбол помимо необходимости оставить поле. Но идея состоит в том, что в конце все эти свойства сводятся к конвенциональной власти, а конвенциональная власть является разновидностью и итерацией (повторением) лежащей в основе структуры. Я полагаю, что наше исследование логических свойств интенционального содержания Y статус-функции, в формуле X считать как Y, начало показывать, какую кажущаяся сложность институциональной действительности имеет довольно простой скелет. Это не удивляет, учитывая простоту аппарата, с которым мы работали. Мы можем только способность накладывать статус и с ним функцию, в соответствии с коллективным соглашением или принятием.

5. Общая теория институциональных фактов.

Часть вторая: Создание, поддержание и иерархия.

5.1. Создание и поддержание институциональных фактов.

В Главе 4 мы исследовали логическую структуру институциональных фактов. Имея в руках эту структуру, у нас есть достаточно материала, чтобы вывести общую теорию создания, поддержания и идентификации институциональных фактов. В связи с этим мы должны различать четыре элемента: институты, их использование в создании фактов, продолжение их существования и их признаки. Во первых, есть институты, который позволяет создание институциональных фактов из социальных фактов и грубых фактов. Такие институты всегда состоят в конструктивных правилах (методах, процедурах), которые имеют форму X считать как Y в контексте C. В этой формуле нет ничего необычного и я не желаю делать из нее фетиш. Дело в том , что коллективная интенциональность налагает особый статус на некоторое явление, и с этим статусом функцию; и нам нужна формула для представления структуры этого наложения. Термин Y налагает новый статус на явление, названное термином X, и новый статус несет с этим функцию, которая не выполняться только на основании присущих объекту физических свойств, называемых термином X. Функция требует статуса, чтобы она выполнялась, а статус требует коллективной интенциональности, включая длительное принятие статуса и соответствующей функции. Обычно связанная с статусом функция определенно неявна в выражении, которым называют статус. Таким образом, например, статус описываемый словом "деньгами" уже подразумевает их функцию как среды обмена. Иногда рассматриваемая функция очень обще определяется или статус подразумевает целый диапазон функций. Таким образом, например, статус мужа или гражданина связаны с целым диапазоном функций и в различных обществах права и обязанности мужа или гражданина могут сильно отличаться. Тем не менее, даже в этих случаях есть функциональное приложение, которое связанно с описанием объекта, как имеющего некоторый институциональный статус, как это видно на примере оценочных категорий, которые употребляются по отношению к статусу. Быть мужем или гражданином означает иметь возможность быть "хорошим" или "плохим" мужем или гражданином.

Возможно стоит указать, что, используя понятие функции, я, конечно, не намереваюсь делать какой-либо "функциональный анализ" или "функциональное объяснение" как это делается в социологическом исследовании. Функции, которые я обсуждаю, внутренне связаны с соответствующим статусом, и таким образом вообще утверждение статуса само по себе подразумевает соответствующую функцию. Сказать, что что-то деньги подразумевает, по определению, что среди других вещей, они функционируют как средство обмена, то есть, как деньги.

В пределах институтов мы должны выделить три элемента: начальное создание институционального факта, продолжение существования и его формальные (обычно лингвистические) репрезентации в форме индикаторов статуса.

Типичные события, которые создают длительно существующие институциональные факты - продажа собственности, выборы, церемонии брака, декларации войн и открытия парламентов, принятие законов и конституций. Эти события часто, хотя не всегда, включают явные перформативные декларации, как, например, "я объявляю сессию парламента открытой," "война объявлена," " я объявляю вас

мужем и женой." Длительное существование институциональных фактов описывается в предложениях типа "это - моя жена," "парламент работает," "идет война," " это моя собственность," и "я - дипломированный специалист Оксфордского Университета." Типичные примеры формальных лингвистических представлений институциональных фактов - заключение брака, выдача диплома, медали и водительских прав. Позвольте нам рассмотреть каждый из элементов.

Создание институциональных фактов.

Самые простые случаи создания институциональных фактов – это когда институциональные структуры уже позволяют считать некоторые действия низшего уровня как институциональные явления с более высоким уровнем. Очевидный пример - речевые действия и игры. Определенные движения кусочков древесины считать как перемещение короля в игре шахматы и т.д.

Сложные случаи требуют, чтобы определенные типы институциональных фактов создавались действиями, выполнение которых само по себе институциональный факт. Таким образом, приобретение собственности обычно требует действий покупки/продажи или дарения, например. Во всех этих случаях новая статус - функция накладывается на явления, которые уже обладали статус-функциями, наложенными на них. Особый случай этого типа создания институциональных фактов - использование явных перформативных высказываний. В таких случаях новая статус-функция накладывается на речевое действие, функция наложения статус-функции. Таким образом, когда председатель парламента говорит, "я объявляю парламентскую сессию открытой," новая статус-функция накладывается на речевое действие, функция создания того факта, что парламентская сессия открыта. Результатом этого является то, что теперь простое собрание людей обладает наложенной на него статус-функцией, а именно работающего парламента и так же обладает возможностью выпускать законы.

В принципе, видимо, нет верхнего предела этому такому типу итераций статус-функций на наложенные статус-функции.

Здесь есть один общий принцип: в зависимости от того какую важность имеет новый институциональный статус мы можем требовать, чтобы он создавался с помощью явных речевых действий, выполнение которых происходит согласно строгим правилам. И эти речевые действия - самостоятельный институциональный факт. Таким образом война начинается, потому что ее объявляют, вы - муж и жена, потому что вы женились, Клинтон - президент, потому что он был избран и приведен к присяге. Некоторые институциональные факты, которые обычно требуют речевых действий для их создания, могут существовать без каких-либо речевых актов, просто как социальный факт сохраняющийся в течение времени. Таким образом, если есть законы которые обеспечивают данный порядок вещей права собственности могут быть переданы во владение, основанном на утверждении правового титула вопреки притязаниям другого лица без какой-либо покупки или дарения.

Длительное существование институциональных Фактов.

Секрет длительного существования институциональных фактов состоит в том, что индивидуумы, непосредственно вовлеченные в этот процесс и достаточно большое число членов данного сообщества продолжают признавать и принимать существование таких фактов. Так как статус конструируется коллективным принятием и так как функция чтобы бы выполняться требует статуса, существенным моментом функционирования является длительное принятие статуса. Например, если все или большинство членов общества отказываются признавать права соб-

ственности при революции или другом перевороте, то права собственности прекращает существовать в этом обществе.

Одна из огромных иллюзий нашей эры то, что "Власть вырастает из дула пистолета." На самом деле власть вырастает из организаций, то есть, систематически организованных статус-функций. И в таких организациях человек с оружием, вероятно, будет наиболее слабым и будет сильнее всех подвергаться опасности. Реальная власть будет у того человека, который сидит за столом и делает шумы с помощью его или ее рта и делает отметки на бумаге.

Когда институт требует большее количество участников, чем можно привлечь силой, когда согласие необходимо, внешний антураж используется таким способом, чтобы навести на мысль, что происходит нечто большее, чем просто принятие формулы X считать как Y в C. Армии, судьи и в меньшей степени университеты используют церемонии, знаки отличия, формы, почести, разряды и даже музыку, чтобы поддержать длительное принятие структуры. В тюрьме такой аппарат не столь необходим, так как там используется грубая сила. Один из способов создания институциональных фактов, когда института не существует, просто делать так как будто он существует. Классический случай - Декларация Независимости в 1776.

Формула "X считать как Y" применима как к созданию, так и длительному существованию явления, потому что конструктивное правило - аппарат для создания фактов, и вообще, существование факта конструируется тем, что он создан и еще не разрушен. Таким образом прохождение церемония брака считается вступлением в брак, а вступление в брак без последующей смерть, получения развода или аннулирования брака считается продолжающимся браком.

Индикаторы Статуса.

Так как институциональные факты существуют только в соответствии с человеческим соглашением, в многих случаях, они требуют официальной репрезентации, которая называется индикатором статуса, потому что существование институциональных фактов не может в целом выводится из грубых физических фактов. Война - исключение по той очевидной причине, что грубый факт - люди, убивающие друг друга, обычно делает официальные индикаторы ненужными. Деньги не требуют дополнительной документации, потому что они сами по себе форма документации. Аналогично, речевые действия само-распознаваемы для тех, кто знает язык.

В сложных сообществах общие индикаторы статуса – водительские права и паспорта. Они указывают что предъявитель обладает статусом того, кто юридически имеет право пересекать границу или водить машину. Наиболее общий способ индикации статуса - роспись. Подписание документа может создавать новый институциональный факт, но длительное существование письменной подписи указывает, при прочих равных условиях, на длительное существование факта. Подпись на документе сохраняется длительное время и таким образом может играть роль индикатора статуса. Функция индикаторов статуса - всегда *эпистемиологическая*.

Некоторые индикаторы статуса могут и не быть явно лингвистическими, то есть это не обязательно слова. Наиболее очевидные примеры - свадебные кольца и униформы. Но это символы пути, точно такие же как язык и ношение свадебного кольца или униформа выполняет тип речевого акта. Такие индикаторы выполняют не только эпистемиологические функции, но так же и другие функции - экспрессивные, церемониальные, эстетические и что наиболее важно, конструирующие.

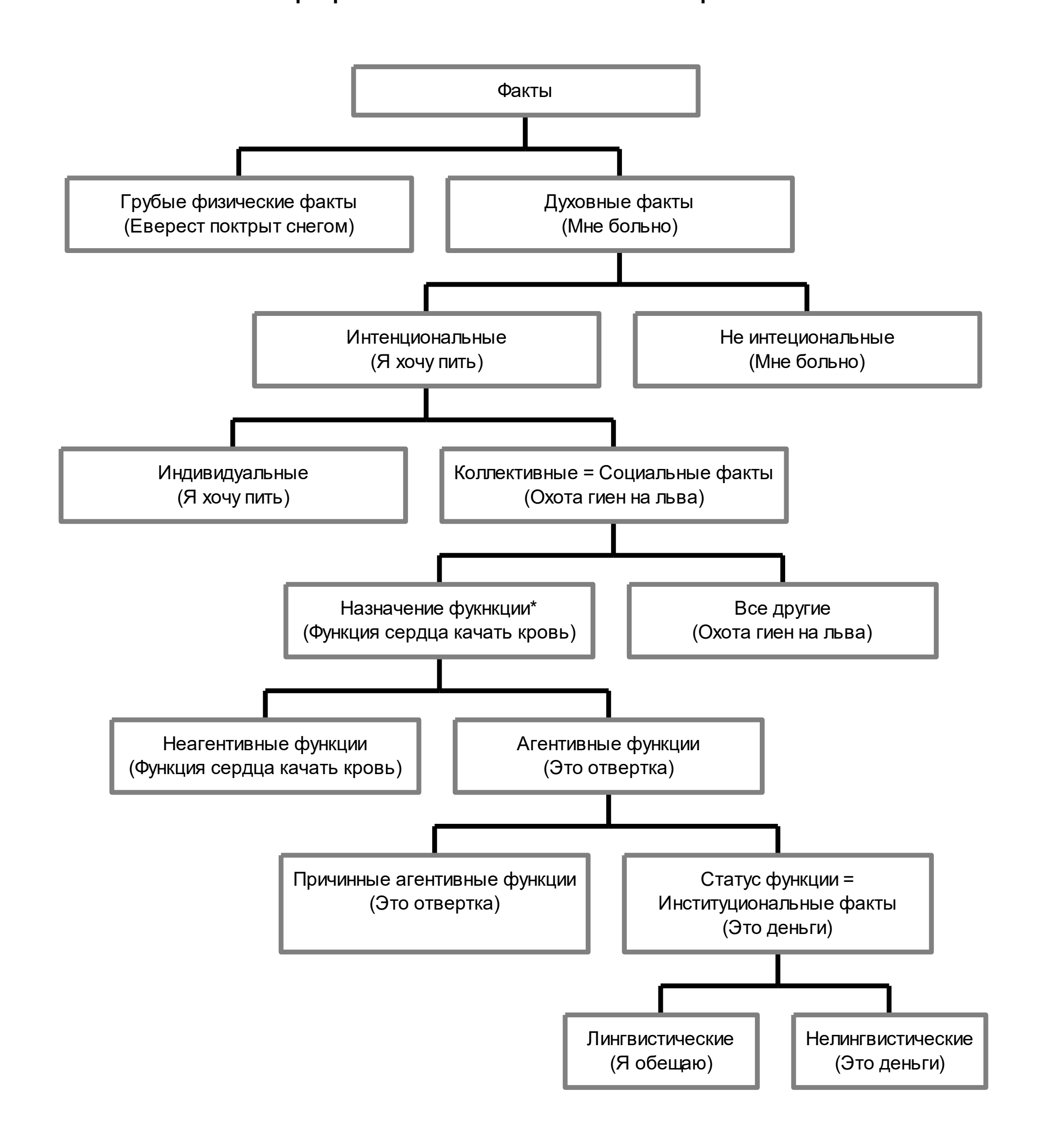
Конечно, униформа не конструирует полицейского, но она символизирует статус-функцию; и это символизация, в том или ином смысле, является существенным компонентом существования статус-функции. Значение языка для институциональных фактов не только описательное, но и конструктивное.

5.2. Иерархия фактов: от грубого до институционального уровня.

Одна из целей работы показать, как может мир институтов вырастать из "физического" мира. Иерархическая таксономия покажет место социальной, институциональной и умственной действительности в пределах физической действительности.

Однако, строительство такой таксономии не простая задача, потому что нам нужно провести некоторые глобальные различия. Упрощенная иерархия отношений между различными типами фактов показаны на следующей схеме. Наше первоначальное различие между грубыми и институциональными фактами теперь выходит за свои непосредственные пределы и растворяется в следующем ряде

Иерархическая таксономия фактов

различий.

Функции всегда в конечном счете назначаются на грубые явления, следовательно можно провести линию от назначения Функции к Грубым Физическим Фактам.

На первом уровне, среди всех видов фактов, Серль проводит отличие между грубыми, не духовными фактами и духовными фактами всех видов. Серль не поддерживает старую Картезианскую терминологию, потому что она, видимо, подразумевает онтогонизм между духовным и физическим, но если мы можем забывать Картезианскую метафизику, то лучше называть это различием между не духовными грубыми физическими фактами и духовными фактами. Эти категории не исчерпывают все виды фактов. Если есть математические факты, например, то они не были бы включены в эту таксономию.

На втором уровне, в пределах класса духовных фактов проводится различие между интенциональными фактами и не интенциональными фактами.

На третьем уровне, в пределах класса институциональных фактов проводится различие между индивидуальными интенциональными фактами и коллективными фактами. Серль использует выражение " социальные факты " в том смысле, что все интенциональные, но только коллективные интенциональные факты - социальные факты. Институциональные факты - тогда специальный подкласс социальных фактов и наша задача определить точно свойства, которые определяют этот подкласс.

На четвертом уровне, как в пределах индивидуальной так и коллективной интенциональности, проводится различие между теми формами интенциональность, которые назначают функцию, например, когда говорится "Это - отвертка " и всеми другими, например, "Я хочу воды." Назначение функции создает функциональные факты.

Может быть странно, что факт, что это является отверткой - разновидность духовного факта, что это онтологически субъективно даже при том, что эпистемиологически объективно; но это следует из того, что любое приписывание функции зависит от наблюдателя. Кроме того, так как любое назначение функции - в конечном счете лежит на грубых фактах, это свойство в таксономии связано с грубыми физическими фактами нашего первого уровня. Иногда функции могут накладываться на другие функции, но в конечном счете такие иерархии должны достигать нижнего предела, основанного на грубых фактах. Вообще в иерархии назначенных функций нижний предел лежит на грубых "физических" явлениях; но нет причин, в принципе, по которым этот предел не может лежать на духовных явлениях. Например, мы могли бы считать, что некоторые умственные состояние конструируют некоторые виды психических расстройств. В таком случае X считается как Y, но X относится к духовным феноменам.

На пятом уровне, в пределах класса функциональных фактов проводится различие между не агентивными функциональными фактами, например, функция сердца должна качать кровь и агентивными функциональными фактами, например, функция молотка забивать гвозди. Функции назначаются не только на искусственные, но и на естественные явления. Например, когда мы говорим "этот камень хорошее пресс-папье" и "какой красивый закат" мы накладываем функции на естественные явления.

Кроме того, также, как можно "наложить" агентивные функции на естественные можно "обнаружить" не агентивные функции среди искусственных феноменов. Если, например, Вы принимаете различие между явными и скрытыми функциями, и Вы полагаете, что скрытые функции неинтециональны, то открытие скрытых

функций институтов – это открытие не агентивных функций искусственных явлений. Таким образом, например, если Вы думаете, что не интенциональная скрытая функция денег поддерживать систему неравенства, то вы открываете не агентивную функцию среди агентивных статус-функций денег.

На шестом уровне, в пределах категории агентивных функций, проводится различие между функциями, выполнение которых основано исключительно на физических свойствах вещей и функциями, которые выполняются только посредством коллективного принятия. Ключевой элемент в развитии агентивных функций в институциональные факты заключается в том, что мы все вместе налагаем функцию на явление, физические свойства которого недостаточны, чтобы гарантировать выполнение функции, и поэтому функция может выполнятся только как предмет коллективного принятия или признания. Эти статус-функции включают подкатегорию агентивных функций. Этот класс статус-функций идентичен с классом институциональных фактов.

Пример агентивных функций, выполняемых исходя из присущей объекту физической структуры - высказывания "это ванна", "это - отвертка." Примеры статус-функций (= институциональные факты) – высказывания "эта бумажка двадцать долларов."

На седьмом уровне, в пределах категории статус - функций мы можем выделить множество путей классификации институциональных фактов.

a. Мы можем отличать институциональные факты по предмету рассмотрения. Мы можем отличать лингвистические, экономические, политические, религиозные, и т.д., институциональные факты. Для нас наиболее важное различие по предмету проводится между лингвистическим и нелингвистическими фактами.

b. Мы можем отличать институциональные факты по их современному статусу. Мы можем проводить отличия между начальным созданием институционального факта (например, Клинтон стал Президентом в 1993), его поддержанием (например, Клинтон был Президентом в течение 1993 и т.д.) и возможном прекращением через распад или прямое разрушение (например, Византийская Империя пала в 1453).

c. Мы можем отличать институциональные факты по логическим операциям. В основном наложение власти происходит согласно следующей структуре:

Мы принимаем, что (S, имеет власть (S, делает А)).

Примеры таких структур: " У Салли двадцать долларов" или "Джон - наш лидер." Но на основе базовой структуры можно выделить логические действия типа отрицания и создания условий. Например, отрицанием власти в содержании институционального факта было бы "Салли должна двадцать долларов," и отрицанием принятия было бы высказывание " Джон отстранен от руководства. "

Восьмое, как только мы имеем, и лингвистические и нелингвистические институциональные функции, мы можем итерировать (повторять) функции на основе функций. Термин Y одного уровня может быть термином X или термином С следующего уровня или даже более высоких уровней. Таким образом такое и такое высказывание XI нужно считать обещанием YI в контексте СI; но при некоторых обстоятельствах С2, это обещание, YI = Х2, нужно считать юридически обязательным контрактом, Y2. Имея контракт как контекст, Y2 = С3, определенное действие Х3 нужно считать нарушением, Y3. В контексте этого нарушения, Y3 = С4, ряд судебных исков Х4 нужно считать успешным судебным процессом, Y4, и сле-

довательно имеющим функцию исправления нарушения или компенсации за него. Такие повторения производят самые высокие уровни институциональных фактов.